

К 09°
К 587

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР

С. К. КОЖОНАЛИЕВ

**СУД
И УГОЛОВНОЕ
ОБЫЧНОЕ ПРАВО
КИРГИЗОВ
ДО ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

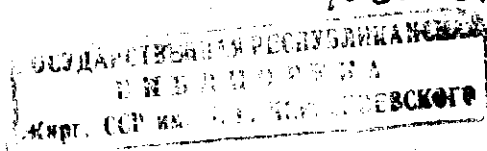
ФРУНЗЕ 1963

В данной работе исследуются система суда и судопроизводства по уголовным делам *суда биев и родоначальников* до добровольного вхождения Киргизии в состав России, изменения судостроительства и судопроизводства после вхождения Киргизии в состав России вплоть до Октябрьской революции, а также освещаются некоторые вопросы уголовной ответственности по обычному праву киргизов.

Брошюра написана на основании архивных, литературных и фондовых материалов и может послужить пособием для исследователей, лекторов, студентов, изучающих обычай и быт дореволюционных киргизов.

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Киргизской ССР*

1030037

Ответственный редактор *Н. П. Кучерявый*

ВВЕДЕНИЕ

Благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции Киргизия обрела государственность в семье советских социалистических республик. Под руководством Коммунистической партии и при постоянной бескорыстной помощи великого русского народа киргизы вместе с другими народами нашей великой страны уверенно строят коммунистическое общество.

Бывшая отсталой окраиной царской России, Киргизия за годы Советской власти превратилась в высокоразвитую в хозяйственном и культурном отношении республику.

Достижения киргизского народа являются практическим подтверждением учения классиков марксизма-ленинизма о том, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определённые ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

Теперь киргизский народ получил возможность изучить свою историю, этнографию, обычное право.

Научное исследование действовавшего до Октябрьской революции уголовного обычного права киргизов до некоторой степени восполнит пробелы в изучении государства и права народов СССР. Изучение обычного права киргизов, являющееся одной из задач советской правовой науки, будет способствовать воспитанию «трудящихся масс в духе коммунистической сознательности, дружбы народов, пролетарского интернационализма, преданности делу советского народа и Коммунистической партии Советского Союза»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 219.

² А. А. Алтышбаев. Некоторые особенности формирования и развития социалистической культуры народов Советского Востока. Фрунзе, 1958, стр. 5.

Следует отметить, что до сих пор в советской правовой литературе не опубликовано ни одной работы, посвящённой обычному уголовному праву киргизов.

Дореволюционные авторы, как правило, изучали обычаи и нравы киргизов совместно с обычным правом казахского народа, лишь иногда указывая на некоторые существенные различия⁴.

Прогрессивными учеными прошлого (в том числе Ч. Валихановым, Семеновым-Тянь-Шанским и др.) собраны чрезвычайно ценные материалы о нравах, обычаях и образе жизни киргизов XIX в. Но большинство дореволюционных исследователей и царских чиновников нормы уголовного обычного права и процесса киргизов рассматривали с колонизаторских позиций; влияние патриархально-родовых отношений при этом сильно преувеличивалось. Народ нередко изображался пассивной массой, послушно следующей за манапами, батырами, старейшинами и биями. Это отразилось и на научной ценности работ, относящихся к быту, культуре и обычному праву киргизов. Например, один из русских буржуазных исследователей уголовного обычного права и процесса киргизов и казахов 70-х годов XIX в. Г. С. Загряжский дал следующую характеристику биям: «Киргиз, известный по своему уму, безукоризненной нравственности, справедливости, опытности в киргизском судопроизводстве, а следовательно, и в знании киргизских обычаев, на основании которых производится суд и расправа у киргизов, именуется бием»⁵. В действительности суд биев был не народным, а классовым, он защищал интересы киргизской феодальной верхушки.

³ Хотя и казахи, и киргизы имели очень сходную культуру и определённую общность ряда правовых норм, уголовно-правовые и другие нормы их обычного права были не совсем одинаковы. Несмотря на это, чиновники царской России до Великой Октябрьской социалистической революции казахов называли киргизами. Только при Советской власти, в 1925 г. на V съезде Советов Казахстана, Киргизская АССР была переименована в Казахскую АССР (История государства и права Советского Казахстана, т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 341).

⁴ Г. С. Загряжский. Юридический обычай киргизов о различных родах состояний и о правах, им присвоенных. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV. СПб., 1876, стр. 151—190; Г. С. Загряжский. О народном суде у кочевого населения Туркестанского края, по обычному праву (зан); там же, стр. 191—202; Н. И. Гродсков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I (юридический быт). Ташкент, 1889; Давлетшин. Отчет капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край и Степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб., 1901 и др.

⁵ Г. С. Загряжский. О народном суде у кочевого населения Туркестанского края, по обычному праву (зан). Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV. СПб., 1876, стр. 193.

К моменту добровольного вхождения Киргизии в состав России высшая феодальная государственная власть принадлежала потомственным крупным манапам. Они распределяли пастбищные угодья, собирали налог, творили суд и расправу, организовывали нападения на соседние племена и оборону своих владений.

У манапов-родоуправителей специального аппарата для центрального управления не было. Они управляли населением через феодально-родовую знать — средних и мелких манапов⁶, биев⁷, батыров⁸, баев⁹ и др. Крупные манапы были главными

⁶ С. И. Ильясов в своей работе делит манапов на крупных, средних и мелких, т. е. на «чон-манапов», «манапов» и на «чала-манапов». (С. И. Ильясов. Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов до проведения сплошной коллективизации. «Тр. Ин-та языка, литературы и истории», вып. I. Фрунзе, 1944, стр. 135).

А. Г. Зима крупных и мелких манапов различает следующим образом: «К чон-манапам,— пишет она,— относились более влиятельные манапы, управляющие несколькими племенами или одним крупным племенем, имевшие неограниченную власть над всем народом, чала-манапами считались маловлиятельные, более мелкие манапы». (А. Г. Зима. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959, стр. 37).

В работе К. Усенбаева о манапстве говорится: «Во главе каждого племени стоял «чон-манап», или «ага-манап», т. е. верховный манап. Все остальные манапы, управляющие родом, подродом и отдельным айлом, находились в вассальной зависимости от него». (К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961, стр. 120—121).

В работе Б. Дж. Джамгерчинова сказано: «Во главе какого-либо племени стоял старший «чон-манап». Эти чон-манапы — главы племен, имели зависимых средних манапов, которые окружали себя чала-манапами — полуманапами и аткаминерами — всадниками» (Б. Дж. Джамгерчинов. Присоединение Киргизии к России. М., 1959, стр. 55).

Таким образом, к средним манапам можно отнести тех, которые были непосредственной опорой крупных манапов в эксплуатации трудового народа.

⁷ Наряду с манапами к господствующему классу киргизского феодального общества относились также и бии. Бий — это судья, который решал уголовные и гражданские дела на основе обычного права киргизов. Бии как представители феодально-родовой знати существовали и у ряда других среднеазиатских народов (Б. Дж. Джамгерчинов. Указ. работа, стр. 58).

⁸ Батыр — дословно герой, богатырь. Батырами называли тех, кто постоянно отличался геройством в междоусобных войнах и особенно в войнах с другими народами. В представлении народа «батыры» — это защитники его интересов от иноземных захватчиков, от несправедливых ханов, баев и т. д. Но батыры из народа с течением времени вливались в состав феодальной верхушки. В политическом отношении батыры, не бывшие первыми лицами в роде, племени, в большинстве случаев находились под властью или под влиянием родовых и племенных главных манапов — батыров. Так, например, Джамангара-батыр и Калпак-батыр зависели от солтинского родового манапа — Джангарача-батыра, Терегельди-батыр — от крупного са-

сюзеренами рода, племени, большинство из них в непосредственном подчинении имело «кырк джигитов»¹⁰ и близких родственников, которые играли роль сборщиков налогов, связистов, усмирителей не послушных в своем роде, племени и т. д.

В Южной Киргизии кроме баев, батыров, биев были также датхи и беки. Последние являлись такими же родоправителями и деспотами, как манапы в Северной Киргизии. Г. Бардашев в своей работе «Сведения о дикокаменных киргизах» о власти беков писал: «Каждый бек был своего рода князь, владыка своего народа»¹¹. Касаясь этого вопроса, К. Усенбаев указывает: «Датхи и беки в политическом отношении мало отличались от манапов, господствовавших в Северной Киргизии»¹².

4v [После добровольного вхождения Киргизии в состав России, с принятием Временного положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей 1867 г.¹³ и согласно

рыбагышского племенного манапа — Ормон-хан-батыра. Некоторые из подвластных батыров, как например, Терегельди-батыр, имели в своем владении сотни юрт и многочисленный скот, другие же не имели ничего и служили у родовых главных манапов.

⁹ Бай — дословно богач. До добровольного вхождения в состав России в Киргизии баями считались в основном лица, имевшие в своем хозяйстве несколько сот или тысяч голов крупного и мелкого скота. Но затем, особенно в начале XX в., термин «бай» приобретает несколько другое содержание. «Бай в этот период выступают уже не только как крупные скотовладельцы, но и как торговцы, предприниматели и ростовщики. Хозяйство баев в этот период начало включаться в орбиту товарно-денежных, буржуазных отношений. Бай стали осуществлять присвоение прибавочного продукта от непосредственных производителей, используя не только феодальные формы эксплуатации, но и с помощью кабальных займов и путем найма рабочей силы из среды букары» (Б. Дж. Джамгерчинов. Указ. соч., стр. 61; см. также М. Т. Айтбаев. Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX и начале XX веков», Фрунзе, 1962, стр. 161—164.).

¹⁰ «Кырк джигиты» — сорок всадников. Это были вооруженные отряды крупных манапов, действовавшие по их указаниям, в их интересах. С «кырк джигитами» манапы, батыры ездили на барымту, грабили соседние киргизские племена и другие народы. Манапы с помощью этих отрядов усмиряли непослушных сородичей. «Кырк джигиты» в основном набирались из числа сильных и смелых парней из букары. Отряды «кырк джигитов» не всегда состояли из сорока человек.

¹¹ Г. Бардашев. Сведения о дикокаменных киргизах. Туркестанские ведомости, 1870, 7 декабря.

¹² К. Усенбаев. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960, стр. 35.

¹³ Временное положение об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей 1867 г. СПб., 1867, стр. 74.

Положению об управлении Туркестанским краем 1886 г.¹⁴ киргизское население составило ряд волостей и уездов Семиреченской, Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей Туркестанского края¹⁵.

1 2 Краями, областями и уездами управляли царские генералы и чиновники. Областное управление возглавлялось военным губернатором, которого назначал царь. Уездным начальникам были даны огромные права. Они обладали административной и судебной властью. Туркестанскому генерал-губернатору для освоения приобретенных краев предоставлялись исключительно широкие, по существу неограниченные полномочия. Наряду с другими правами, «он до рассмотрения проекта Положения в законодательном порядке мог принимать все те меры, которые признавал полезными и неотложно необходимыми для устройства края»¹⁶.

2 С принятием вышеуказанных положений на территории Киргизии было проведено административное деление не по родовым и племенным признакам, как прежде, а по территориальному признаку. Были введены должности биев, айльных старшин и созданы волостные управления. Начиная с этого периода, вплоть до Октябрьской революции, русские капиталисты, помещики и царские чиновники вместе с бай-манапами эксплуатировали трудовой народ.

Несмотря на это, вхождение Киргизии в состав России явилось крупнейшим событием, оно сыграло прогрессивную роль как в развитии материальной и духовной жизни киргизского народа, так и в его дальнейшем историческом развитии.

В предлагаемой работе сделана попытка показать классовую сущность суда биев до и после добровольного вхождения Киргизии в состав России; на основе архивных материалов и исторических источников в ней освещается содержание норм уголовного судопроизводства по обычному праву киргизов в этот период. Учитывая, что на территории Киргизии, главным образом в её южной части, действовали также суды казиев, автор даёт общую характеристику суда казиев и показывает его отличие от суда биев.

В работе также освещаются некоторые вопросы ответственности по уголовному обычному праву киргизов.

¹⁴ Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г. С указаниями, опубликованными по октябрь 1903 г., решениями Правительствующего Сената, инструкциями, изданными в развитие действующего Положения. Составил делопроизводитель канцелярии туркестанского генерал-губернатора Б. Н. Каплун. Ташкент, 1903, стр. 212.

¹⁵ А. Г. Зима. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959, стр. 10.

¹⁶ Т. М. Культелеев. Уголовное обычное право казахов. Алмата, 1955, стр. 62.

ГЛАВА I

СУД И СУДОПРОИЗВОДСТВО КИРГИЗОВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ДО ДОБРОВОЛЬНОГО ВХОЖДЕНИЯ КИРГИЗИИ В СОСТАВ РОССИИ

До добровольного вхождения Киргизии в состав России судебные функции выполняли представители киргизской патриархально-феодальной верхушки — бии. Судопроизводство было устным, без каких-либо записей и велось на основе обычного права киргизов. Даже в XVIII и начале XIX вв. родоначальники киргизов — бии — выполняли одновременно как административные, так и судебные функции. «В то время (в XVIII в. — С. К.) бий, — пишет М. Т. Айтбаев, — облечённый доверием, стоял во главе рода, племени, исполняя административную, политическую, хозяйственную и, наконец, судебную функцию»¹⁷

В отношении административных функций бия такого же мнения придерживается С. М. Абрамзон, который, ссылаясь на китайский источник, указывает, что киргизы «своих старейшин называют биями; каждое племя имеет своего бия; звание их передаётся по наследству»¹⁸

Эти наследственные бии к середине XIX в. превратились в привилегированную правящую феодальную верхушку киргизского дворянства — манапство. Манапы являлись властями своего рода и племени. Судейские же функции бия стали принадлежать другим — средним и мелким манапам или влиятельным лицам, хорошо разбирающимся в обычном праве киргизов. Эти бии, находясь в зависимости от главных манапов, решали дела о преступлениях, проступках и гражданских спорах соотечественников. В суде биев обвиняемый по уголовным и ответчик по гражданским делам по обычному праву киргизов являлся ответчиком, а истец по гражданским и потерпевший по уголовным делам — истцом.

¹⁷ М. Т. Айтбаев. Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX и начале XX веков. Фрунзе, 1962, стр. 147.

¹⁸ С. М. Абрамзон. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946, стр. 20.

Итак, к середине XIX в. в Киргизии создается специальный судебный орган — суд биев. «К этому времени (накануне добровольного вхождения Северной Киргизии в состав России, — С. К.), — пишет академик Б. Джамгерчинов, — уже несколько изменяется социальное содержание бийства. Если вплоть до первой четверти XIX в. бий мог осуществлять всестороннюю власть над своим племенем, являлся главою и правителем племени, то к середине этого века значение бия ограничивается уже исключительно судебными функциями»¹⁹.

Таким образом, до середины XIX в. бием называли главу (правителя) рода и племени²⁰, а также судью, с середины же прошлого века — только судью.

Суд биев всегда был одним из основных органов классового господства феодалов и его основная функция сводилась к подавлению сопротивления трудящихся масс киргизов.

Суд биев, возникший как специальный судебный орган, обслуживал патриархально-феодальный общественно-политический строй в Киргизии, с момента вхождения её в состав России служил орудием царизма, русской буржуазии и помещиков и действовал вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, соответствуя политическим и правовым взглядам господствующего класса²¹.

Многие дореволюционные исследователи обычного права киргизов и царские чиновники считали суд биев нейтральным органом, который якобы выражал интересы целого рода и племени, интересы простых людей. Так, например, один из царских чиновников в своем донесении о киргизских обычаях пишет, что «в каждом киргизском роде или отделении находят-ся избранные²² из среды ордынцев самые лучшие в поведении и добродушные киргизы, кои примером степенной своей жизни

¹⁹ Б. Дж. Джамгерчинов. Из истории киргизов первой половины XIX в. Уч. зап. исторического факультета Киргизгосуниверситета, вып. VI. Фрунзе, 1958, стр. 98.

²⁰ Например, Ч. Ч. Валиханов во время путешествия по Восточному Туркестану в августе 1856 г., встретив жившее на р. Какшаал одно из отделений киргизского племени черика, в своей работе «Описание пути в Кашгар и обратно в Алатонский округ» писал: «Второй отдел признает власть одного верховного бия Турдуке. Турдуке имеет от китайцев красный шарик, известный грабитель, не слушает кокандцев, зекет и подать берет себе» (Ч. Ч. Валиханов. Избр. произведения. Алма-Ата, 1958, стр. 473).

²¹ В Киргизии суд биев официально с существенными ограничениями существовал и в первые годы Советской власти, а неофициально — до сплошной коллективизации сельского хозяйства.

²² Суд биев народом никогда официально юридически тайным или открытым голосованием не избирался. Судьи были ставленниками киргизской феодальной верхушки.

обретали к себе привязанность единокровцев своих в отношении справедливого обслуживания дел... тех называют они почетными биями и повинуются им как законным судьям»²³.

В одном из архивных документов рукописного фонда Института философии и права АН Казахской ССР говорится, что бии должны быть присущи «примерный ум, особые душевные качества с присоединением к тому опытности и примерной приветливости... и вместе с тем все достоинства, посредством которых бий может иметь право носить это почетное имя»²⁴. Многие авторы умышленно или по незнанию фактической деятельности суда биев идеализировали его, представляя биев как честных и добросовестных служителей общества и тем самым маскировали классовую сущность суда биев.

На самом деле, суд биев был деятельным оружием киргизского феодального общества, хорошо приспособленным для угнетения народных масс. Подлинную сущность судов биев совершенно правильно раскрывает Т. М. Культелеев, говоря, что «в действительности суд биев был не «народным», а классовым судом, защищавшим только личные и имущественные интересы господствующего класса... Он был не справедливым и не «мудрым», а лицемерным и подкупным. Для исхода дела суда биев решающим была не истина, а богатство и влиятельность потерпевшего и обвиняемого»²⁵.

Даже такой буржуазный исследователь обычного права киргизов, как Г. С. Загряжский о суде биев в одной из своих работ писал: «Все зависит от случая, личных отношений, но не от закона. Таков характер суда биев. Он нимало не гарантирует справедливости и допускает всякое вмешательство»²⁶.

Накануне добровольного вхождения в состав России бии в Киргизии были в каждом роде и племени, хотя никто их не избирал. Один из царских чиновников в своем донесении пишет, что «в каждом киргизском роде или отделении находятся избранные бии, тех называют почетными биями»²⁷. Но эти «бии, — указывает Ч. Валиханов, — никем формально не избираются и формально никем не утверждаются»²⁸. Это обычно

²³ ЦГА Казах. ССР, ф. 4, д. 2798, св. 243, л. 75.

²⁴ Рукописный фонд Ин-та философии и права АН Казах. ССР, инв. № 19, стр. 209.

²⁵ Т. М. Культелеев. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955, стр. 64.

²⁶ Г. С. Загряжский. Заметки о народном самоуправлении у кара-киргиз. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. III, СПб., 1874, стр. 362.

²⁷ ЦГА Казах. ССР, ф. 4, д. 2798, стр. 75.

²⁸ Ч. Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, стр. 215.

были братья, сыновья и другие родственники главных манапов, ставленники и представители верхушки господствующего класса²⁹. Но кроме этих «официальных» биев, были еще и не признанные главными манапами «неофициальные» бии, которые также разбирали спорные дела. «Всякий киргиз,— пишет Г. Загряжский,— может разбирать всякое дело, если стороны к нему обратятся»³⁰.

Споры внутри одного рода, подрода и отделения³¹ решались «своими» биями, которые при обсуждении важных вопросов советовались и считались с мнением влиятельных лиц рода. Гораздо труднее было решать спорные дела, возникшие между двумя родами и племенами. В таких случаях потерпевший, по нормам обычного права киргизов, сначала обращался непосредственно к близким родственникам обвиняемого и влиятельному аксакалу. Эти лица старались примирить их и удовлетворить просьбу потерпевшего, в противном случае потерпевший жаловался родоначальнику ответчика. Если потерпевший и здесь не получал удовлетворения, то он обращался к своим близким родственникам, влиятельным лицам или родоначальнику своего рода. Последний через своих джигитов, влиятельных лиц или, если дело было очень важное, лично связывался с родоначальником другого рода. В этих встречах главных манапов или заменяющих их влиятельных лиц рода—биев, решался вопрос: удовлетворить иск потерпевшего без судебного разбирательства или назначить съезд биев обоих родов. Если дело было не так важно и имелись неопровержимые доказательства, тогда главные манапы (бии) со стороны обвиняемого (ответчика) приказывали своим сородичам оплатить потерпевшему³² предъявленный им иск и уплатить штраф за возмещения убытков³³. Если дело было важное и запутанное и для его разбора требовались большие усилия, то родоначальники назначали съезд биев. В этом случае дело рассматривалось с участием родоначальников, биев и других влиятельных лиц и родственников из обоих родов или племен.

²⁹ Это право главных манапов назначать своих людей на разные должности существовало еще долгие годы после добровольного вхождения Киргизии в состав России.

³⁰ Г. Загряжский. О народном суде у кочевого населения Туркестанского края, по обычному праву (зап.). Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV. СПб., 1876, стр. 192.

³¹ Разделение внутри одного рода по родственным признакам.

³² И. И. Ибрагимов. Заметки о киргизском суде. Зап. ИРГО по отделению этнографии, т. VIII, отд. II, стр. 234.

³³ Убытком считалась затрата времени потерпевшим на организацию взыскания ущерба. Под убытком понималась также упущенная выгода (не получение приплода, шерсти от похищенного животного и т. д.).

В таких всенародных съездах в подавляющем большинстве случаев спорные дела решались без трений и разногласий между представителями господствующих классов обоих родов или племен. Но если сильный³⁴ родоправитель нарушал обычное право и, не считаясь с требованиями другого родоправителя и его сторонников, решал дело в пользу своих сородичей и исполнял свое решение силой, то в таких случаях обиженные родоправители и их сторонники старались защитить свою честь и возместить убытки различными способами. Они запрещали, например, людям своего рода ездить в гости и на похороны к населению противной партии. Во многих случаях они приказывали отбирать своих дочерей, вышедших замуж за представителей враждебного рода. Травомерным считалось и убийство непослушных дочерей³⁵.

Обиженные! родоначальники организовывали барымту главным образом для возмещения понесенных убытков. Во время барымты бывали и случаи убийства. «Барымта, — пишет Ч. Валиханов, — производилась явно, т. е. днем, и с насилием в случае нужды, или же тайно, воровски. Понятно, что при явной барымте барантчи встречали отпор, случались драки и убийства»³⁶. Барымта зачастую принимала массовый характер, в ней участвовало все мужское население враждующих родов и племен. В этом случае убивали мужчин, отбирали женщин, детей, уничтожали юрты и другое имущество, угоняли скот целых айлов рода противной партии. Такой вид барымты, т. е. междоусобная война, существовал не только до добровольного вхождения Киргизии в состав России, но и после. Так, в конце XIX в. на Тянь-Шане (в долине Джумгал) между двумя родоправителями племени саяк вследствие спора за власть произошла групповая кровавая междоусобная война, в которой погибло много людей. Вот что говорится об этом в архивных документах: «На местности Мынетокум, на Джумгале, собрались две враждебные партии, которые дрались копьями, саблями, палками и стреляли из ружей; Джантели Байзаков, раненный в ногу из ружья, сделался хромым. Кудайберген Айтаков ранен копьем, Чонкол Шадманов ранен пулей из ружья, Егин Суванов ранен копьем, С. Назаров убит

³⁴ Сильными считались родоправители, которые не только отличались личными качествами и богатством, но род которых славился также большим количеством юрт, скота, смелыми и храбрыми джигитами, отличившимися в барымте, междоусобной войне и в войне с соседними народами.

³⁵ ЦГА Казах. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 383, л. 259.

³⁶ Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, стр. 515.

пулей из ружья, Аджи Бообеков, Кадыр Бообеков были ранены саблями, Кабылан Арзаматов убит копьем»³⁷.

Прежде, до вхождения в состав России, примирить такие воевавшие роды было очень трудно. Для этого требовалась помощь одного или нескольких нейтральных родоначальников и их влиятельных людей. Они прилагали усилия для того, чтобы собрать вместе главных манапов, биев и других влиятельных лиц воевавших родов и с их согласия назначали съезды. На этих съездах разбирались споры, выяснялись причины возникновения междоусобной войны и ее зачинщики. На таких съездах биев учитывались численность человеческих жертв и количество разграбленного имущества. На основании этих данных производились расчеты. Например, летом 1867 г. произошла междоусобная барымтовая война, начавшаяся со спора о невесте, между крупным манапом племени солто Байтикбатыром и влиятельным манапом племени саяк из Кетмен-Тюбе Рыскулбеком. В этой междоусобице было убито много людей племени солто. Спор, вовлекший в данную междоусобную войну племена саяк и солто, был окончен на съезде родоначальников, биев и влиятельных лиц обеих сторон с участием представителей от других нейтральных родов и уполномоченных царской власти. Участники съезда установили число убитых и раненых, а также подсчитали все убытки, связанные с этой войной. «Нельзя не подивиться, — пишет А. Хорошкин, — что счета эти благодаря тому влиянию, какое имел на население управляющий населением штабс-капитан Мединский..., скоро кончились к общему удовольствию. Претензия Токмацев (Байтика.— С. К.) на Рыскулбека и подозрения его в убийстве кырк-джигита также окончены уплатою куна скотом и очистительной присягой по народным обычаям»³⁸.

Подсчеты производились по принципу: за угнанный скот рассчитывались скотом, за убитых людей — убитыми людьми; за одного убитого — 300 голов скота³⁹.

Кун за убийство мужчины-калеки (без руки, без ноги и т. д.) равнялся 1/2 куна за полноценного мужчину⁴⁰, кун за

³⁷ ЦГА Казах ССР, ф. 64, оп. 1, д. 516, л. 24, обр.

³⁸ А. Хорошкин. Байтик баатыр. Туркестанские ведомости, № 43, 31 октября 1872 г.

³⁹ В п. 1 ереже чрезвычайных съездов биев пригородных волостей Пржевальского уезда от 5 мая 1907 г. говорится: «Присудить за убийство мужского пола 300 голов скота по 4 разряду во главе 1 верблюда и деггами 300 рублей» (ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 56).

⁴⁰ «...за слепого и от природы калеку полагается доловина куна. По вина куна полагается и за того, кто при жизни получил половину куна лишение членов» (ереже токмакского чрезвычайного съезда биев 1893 Верный, 1893, стр. 39 или ЦГИАЛ, СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 82).

убийство женщины составлял 150 гол. скота⁴¹, кун за ребенка⁴² и айып (штраф) за членовредительство устанавливали особо⁴³.

↓ Следует отметить, что с дальнейшей более резкой классовой дифференциацией лица, принадлежащие к верхушке киргизского феодального общества — манапы, батыры, бии и др., как правило, за причиненный им ущерб (убийство, телесные повреждения, угон скота и т. д.) получали в первую очередь и сполна. Рядовым же членам общества выделяли из того, что оставалось после богачей: одну-две овцы для устройства поминков по убитому в междоусобной войне родственнику. Родоправители и окружавшие их батыры в знак дальнейшего мира дарили друг другу дорогие вещи, рысистых лошадей и девушек — дочерей своих бедных сородичей⁴⁴.

Таким образом, в этих ненужных простому народу междоусобных войнах жертвой оказывались только трудящиеся.

Эксплуатация и систематическое ограбление трудового народа феодальной верхушкой и колониальными властями продолжались вплоть до Октябрьской революции.

↑ Переходя к судопроизводству по обычному праву киргизов накануне добровольного вхождения в состав России, следует прежде всего сказать, что киргизское обычное право не проводило строгой грани между уголовными и гражданскими спорами.

Д. Туранов в своей работе «Обычное право киргизов» пишет: «О гражданской и уголовной неправде, так строго различаемой юристами, наши киргизы имеют понятия, не развитые и по содержанию и по форме»⁴⁵. Это также подтверждает

⁴¹ Женский кун равнялся половине мужского куна (там же).

⁴² «При взыскании куна за убийство беременной женщины айып или кун за ребенка полагается особо: а именно: а) за ребенка, когда он только в зачатке — штрафовать на девять скотин от верблюда, б) за ребенка на пятом месяце — 25 скотин от верблюда, в) за ребенка до времени родов после пяти месяцев — половина женского куна, такие взыскания назначать и за выкидыш ребенка от повреждения матери по чьей-либо доказанной вине» (ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400 л. 82, обр.).

⁴³ За членовредительство полагаются следующие айыпы: «...за отрезание языка приговаривать с одним верблюдом 100 лошадей, за отрезание носа — 50 лошадей без верблюда. За каждый отрезанный палец 9 лошадей с одним верблюдом. За отрезание косы у женщины без всякой вины с ее стороны — лошадь и халат» и т. п. (ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 83, обр.).

⁴⁴ В докладе комиссии «О преобразовании киргизского народного суда в степных областях» указывается, что «по удостоверению Степного генерал-губернатора, бывали случаи присуждения за неисполнение обязательств или за личные обиды в пользу обиженного штрафа в виде лошади и девицы». (Рукописный фонд Ин-та философии и права АН Казах. ССР, инв. № 21, стр. 177).

⁴⁵ Д. Туранов. Обычное право киргизов. «Киргизская степная газета». № 43, 5 ноября 1900 г.

Юр. Россел: «...самую характерною чертою этого обычного права является то, что оно не отличает гражданских преступлений от уголовных, оно относится ко всем преступлениям как к простым отношениям между собою — его наказания имеют целью удовлетворение обиженной стороны»⁴⁶.

В Киргизии дело в суде возбуждалось, как правило, по инициативе потерпевшего — истца. Истцом называется тот, — пишет Г. Загряжский, — кто отыскивает свое право или ищет чего-либо на другом»⁴⁷. Согласно киргизскому обычному праву, по поручению истца — потерпевшего дело могло возбуждаться его родственниками или поверенными. «...Истец или ответчик могут посылать ходатайствовать по своим делам вместо себя поверенных»⁴⁸. Иногда дело могло возбуждаться без ведома самого истца — его близкими родственниками.

Как возбуждение дела, так и представление доказательств в суде было обязанностью истца, его родственников и поверенных. В суде биев сторонам необходимо было представить, кроме вещественных доказательств, также и свидетельские показания. Например, в докладной записке юридической комиссии указывается, что «суду биев стороны должны представить не только фактические доказательства правоты своего иска, но и свидетелей к делу»⁴⁹.

В суде биев при установлении виновности или невиновности обвиняемого, кроме свидетельских показаний и вещественных доказательств широко применялись (чаще всего оправдательные, реже — обвинительные) присяги — «ант беруу». Это случалось большей частью тогда, когда по делу не имелось ясных, прямых доказательств. По подозрению потерпевшего, смотря по важности дела принималась присяга со стороны подозреваемого — от самого обвиняемого, его близких и дальних родственников, лиц одного с ним рода, племени, а также и его близких друзей и товарищей, не связанных родственными узами. По маловажным делам присяга принималась от истца — обвинительная, или от обвиняемого — оправдательная, а по крупным — не от истцов или ответчиков, а от их родственников, представителей аулов, родов и т. п.

⁴⁶ Юр. Россел. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. Вестник Европы, тридцатый год, т. IV, кн. 7. СПб., 1878, стр. 132.

⁴⁷ Г. Загряжский. О народном суде у кочевого населения Туркестанского края, по обычному праву (зан.) Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV. СПб., 1876, стр. 194.

⁴⁸ Г. Загряжский. Там же.

⁴⁹ ЦГА Узб. ССР. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора (КТГГ) ф. I, оп. 27, д. 68, л. 7.

Г. Загряжский по этому поводу пишет следующее: «В маловажных делах, если нет никаких доказательств к оправданию или обвинению ответчика, бий по своему усмотрению предлагает подтвердить свои слова присягою или истцу или ответчику»⁵⁰. В важных делах «бий по своему усмотрению представляет или истцу, или ответчику выбрать лицо, которое своим свидетельством под присягою подтвердило бы претензию истца или оправдало бы ответчика»⁵¹.

Согласно нормам обычного права «суд биев производился словесно, публично и во всех случаях допускал адвокатуру»⁵². Об этом свидетельствуют также многочисленные архивные материалы АН Казахской ССР, в которых говорится, что «суд производился открыто без всяких формальностей, вроде записей решений, приложения печати и т. д.»⁵³.

Здесь же имеются указания на то, что судебные решения (приговоры), как и судебное разбирательство, выносились устно. Все устные решения подлежали обязательному исполнению. При добровольном избрании биев самими сторонами «устное решение суда было безусловно обязательным для каждой из сторон»⁵⁴. В некоторых местностях Киргизии, например в Иссык-Кульской долине, устное решение бии закрепляли разрезанием небольшого прутика на две части⁵⁵. Это действие означало безусловное окончание дела в суде биев и решение подлежало обязательному исполнению.

У суда биев специальных исполнительных органов не было. Решения его исполнялись влиятельными людьми айла или рода осужденных. В случае несвоевременного исполнения истцы обращались с требованием об исполнении решений биев почти всегда не к ответчику, а к влиятельному лицу его рода.

Накануне добровольного вхождения Киргизии в состав России по обычному праву киргизов апелляция на решение суда биев допускалась, но очень редко.

⁵⁰ Г. С. Загряжский. О народном суде у кочевого населения Туркестанского края, по обычному праву (зап.). Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV. СПб., 1876, стр. 199.

⁵¹ Там же.

⁵² Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, стр. 211.

⁵³ Рукописный фонд Ин-та философии и права АН Казах. ССР, инв. № 13, стр. 506.

⁵⁴ Рукописный фонд Ин-та философии и права АН Казах. ССР, инв. № 13, стр. 506.

⁵⁵ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. I, Алма-Ата, 1961, стр. 334. Здесь указывается, что Ч. Валихановым нарисован бий Сартай, держащий в руке небольшой прутик, который должен быть разрезан на две половины после того, как обе стороны согласятся с решением суда биев.

1048071

[Жалобы на несправедливые решения биев считались оскорблением и унижением их личного достоинства, поэтому манапы и другие феодалы воспринимали их недоброжелательно, и жалобщиков зачастую подвергали физическим наказаниям. «Если же апелляционная жалоба просителя или ответчика на неправильное решение биев окажется ложною, то таковые за поношение чести судей своих наказываются телесно»⁵⁶. Признать жалобу ложной по обычному праву того времени ничего не стоило, особенно, если жалобщик был бедняком.]

Однако, как мы уже отметили, юридические обычаи киргизов допускали жалобы на неправильные решения биев. При этом недовольная сторона, принеся с собой «тартуу»⁵⁷, жаловалась своему родовому манапу. При таких условиях бедные не могли жаловаться на решение биев. Царские чиновники из комиссии «об устройстве судебной части Туркестанского края», умышленно искажая причины неподачи апелляций, писали: «Народный суд апелляции не знает и не допускает ее весьма естественно потому, что решения судей (или судьи), добровольно избранных, не могут быть несправедливыми»⁵⁸.

Но фактически сторона (из имущих классов), недовольная решением биев, жаловалась своему родовому или племенному манапу.

Манапы на основании устной жалобы просителя, проверяли положение дел и если, по их мнению, решение было правильное, делали внушение просителю. Если же они считали решение неправильным, то с участием других биев или без него дело пересматривали и решали его по существу. Когда спор решался самым главным родоначальником или с его участием, то жалобу на неправильное решение дела некуда было подавать и эту жалобу никто не имел права принимать.

Дела в суде биев всех инстанций⁵⁹, как указано выше, с исключением иптимных и родственных дел⁶⁰, всегда рассмат-

⁵⁶ ЦГА Казах. ССР, ф. 4, д. 2798, стр. 76, об.

⁵⁷ Тартуу — взятки в виде подарка. Это могли быть дорогие звериные шкуры богатый седельный набор, лошади, «союш» — скот на зарез и т. п. В те времена киргизская верхушка считала тартуу, т. е. взятки просто выражением покорности и уважения к господствующему классу.

⁵⁸ ЦГА Узб. ССР, КТГГ, ф. 1, оп 27, л. 68, л. 7.

⁵⁹ До добровольного вхождения в состав России по обычному праву киргизов все уголовные и гражданские дела какой бы тяжести и ценности иск ни был в основном рассматривались судом первой инстанции (одним или несколькими биями с участием или без участия родоприветелей и влиятельных людей рода). Но бывали случаи, когда дела решались только биями, в этом случае недовольная сторона могла жаловаться родоначальнику.

⁶⁰ «В спорах и несогласиях между близкими людьми, по обычаю, счи-

ились гласно и публично⁶¹. Интимные дела сторон и дела родственников (по ходатайству сторон) решались скрыто, без участия посторонних лиц⁶².

Дела, имеющие важное значение для двух или более родов, также дела о тяжких преступлениях рассматривались на съезде биев и влиятельных людей феодальной верхушки при большом стечении народа. Такие съезды не были каким-либо постоянным или периодически функционировавшим учреждением. Они организовывались специально, при необходимости, в большинстве случаев приурочивались к моменту скопления народа по какому-либо случаю — на «той» (пиршества по случаю рождения, обрезания, свадьбы) или на «аш»⁶³ — поминки.

В архивном документе «О преобразовании Киргизского народного суда в степных областях» говорится, что «разбирательство дел, в которых были заинтересованы разные роды, производилось при большом стечении народа, преимущественно во время поминок»⁶⁴.

Итак, на основании обычного права киргизов все производство предварительного расследования и судебного разбирательства дела в суде, вынесение приговора и исполнение его, а также обжалование решения суда биев совершались только устно и без каких-либо письменных документов (протоколов, записей и пр.).

Нельзя было неприлично обращаться к разбору посторонних лиц, чтобы не обнаруживать перед чужими людьми разные семейные счеты и тайны, а потому очень часто обращаются к разбору своих родоничей, к почетным аксакалам и решениям их подчиняются беспрекословно». Выписка о преобразовании Киргизского народного суда в степных областях (Рукописный фонд Ин-та философии и права АН Казах. ССР, инв. № 21, л. 198).

⁶¹ И. И. Ибрагимов. Заметки о киргизском суде. Зап. ИРГО по отделению этнографии, т. VIII, отд. II, стр. 233.

⁶² В таких скрытых делах могли участвовать только отдельные, по делу нужные люди, доказчики — «айгаки» — сторон и некоторые близкие родственники.

⁶³ В годовщину смерти крупного сарыбагышского манана Джантая на поминки было приглашено несколько тысяч человек, которые пиршествовали 7 дней подряд: «На тризне... Джантая-батыра, — было написано в Туркестанских ведомостях, — первый приз составлялся из красного товара на 1000 руб, 30 верблюдов, 100 кобыл, 30 коров и 500 баранов, а следующие 14 призов были намного меньше» («Туркестанские ведомости», отдел неофициальный, № 1, 1873, 2 января, стр. 2).

⁶⁴ ЦГА Узб. ССР, КТГГ., ф. 1, оп. 27, д. 68, л. 7.

ГЛАВА II

ИЗМЕНЕНИЯ СУДОУСТРОЙСТВА И СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ СУДА БИЕВ ПОСЛЕ ДОБРОВОЛЬНОГО ВХОЖДЕНИЯ КИРГИЗИИ В СОСТАВ РОССИИ

2 После добровольного вхождения Киргизии в состав России в связи с некоторыми изменениями общественно-политического строя Киргизии претерпели изменения и судоустройство, судопроизводство и подсудность суда биев. До вхождения Киргизии в состав России киргизскому суду биев были подсудны любые уголовные и гражданские дела. Суды биев были единоличными и коллегиальными. Они могли рассматривать любые дела о проступках и преступлениях, с которыми обращались сюда обе спорящие стороны.

В работе Г. Загряжского говорится: «Бий разбирает все вообще поступившие к нему по жалобам ордынцев дела, какого бы рода и какой бы важности они не были»⁶⁵ Или: биями разбираются и судятся все дела частные и общественные между киргизами в присутствии местного своего начальника и нескольких человек из почетных стариков, приглашённых самими биями, и от них же зависит окончательное решение всякого дела, удовлетворение обиженных и наказание виновных, смотря по важности преступления»⁶⁶.

После добровольного вхождения в состав России, с принятием «Проекта положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей 1867 г.»⁶⁷ в Киргизии образовалось несколько видов специальных, общих царских и местных киргизских судов. Эти суды имели различную подсудность:

(а) Были образованы военно-судные комиссии, судебно-административные органы, которые судили киргизов за измену, «возбуждение» своих соплеменников к сопротивлению прави-

⁶⁵ Г. Загряжский. О народном суде у кочевого населения Туркестанского края, по обычному праву (зап.). Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV. СПб., 1876, стр. 193.

⁶⁶ ЦГА Казах. ССР, ф. 4, д. 2798, св. 248, стр. 75.

⁶⁷ Проект положения 1867 г. со дня опубликования и до принятия положения 1891 г. все время использовался как проект, т. е. не был утвержден Сенатом.

тельству, за нападение на почту и военный транспорт, убийство христиан и изъявивших желание принять христианство, убийство должностных лиц и т. д.⁶⁸. Это были преимущественно органы террористической расправы.

б) Суды, действовавшие на основании общих законов империи. Они делились на судебные отделы, областные правления и уездные суды. Этим судам по общим имперским уголовным законам были подсудны киргизы, совершившие следующие преступления: «разбой, грабеж, за исключением барымты у киргизов, нападение на купеческие караваны, побег в чужие владения, поджоги, явное сопротивление властям, делание и перевод фальшивой монеты, похищение казенного имущества»⁶⁹. Генерал-губернатору края предоставлялось право по своему усмотрению назначать полевой суд, который мог выносить смертные приговоры⁷⁰.

в) Так называемыми «народными судами»⁷¹ — судами биев — разбирались «все прочие уголовные дела, не подлежащие суду военному и суду по общим законам империи, в том числе барымта и убийство киргизов между собою»⁷².

Киргизы за преступления, совершенные вне пределов Киргизии, подвергались суду по законам места совершения преступления.

До добровольного вхождения Киргизии в состав России и первое время после этого биями были в большинстве случаев

⁶⁸ Проект положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей 1867 г. СПб., 1867, стр. 20, § 130.

⁶⁹ Там же, стр. 21, § 131.

⁷⁰ Там же, в примечаниях § 131.

⁷¹ До добровольного вхождения в состав России в Киргизии не было термина, означающего русское слово «суд», а существовал термин «бий» — «судья», хотя слово «бий» частично охватывало и понятие «суд». После вхождения в состав России, с принятием Проекта положения 1867 года, царская власть, чтобы затушевать в глазах народа классовое содержание суда, называла его «народным судом». Например, в § 181 Проекта положения 1867 г. указывается, что «народный суд у киргизов есть разбор дел по народным обычаям wybranными судьями — «биями» (Проект положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей 1867 г. Ташкент, 1880, стр. 37). А в § 214 Проекта положения 1867 г. говорится, что «народный суд у сартов (а также оседлых киргизов в Южной Киргизии — С. К.) есть разбор дел выборными судьями, — называемыми казиями».

Хотя в положениях и в других литературных источниках до Октябрьской революции местные суды назывались «народными судами» — «эл соту», но фактически туркестанцы и, в частности, киргизы в общении между собой и в своих жалобах на имя уездных и областных начальников никогда не употребляли термин «народный суд», они всегда говорили и писали «суд биев» и «суд казиев» — «бий соту» и «казы соту», или просто «бий» и «казы». (Там же, стр. 42.).

⁷² Там же, стр. 21, § 133.

родственники или сторонники главного манана. В записке «О народном суде по сведениям, извлеченным из дела о киргизах Сокулукской волости, желавших перейти в оседлое состояние», указывается, что «жизнь каждой киргизской волости находится в распоряжении не населения ее, а родовых правителей, решающих единолично все общественные дела от имени своих родовых групп»⁷³.

Спустя несколько лет после принятия Проекта положения 1867 г. волостными управителями, айильными старшинами стали выбираться не только выходцы из мананов, но и из биев — богатых людей или из их ставленников⁷⁴. Все они были работниками прислужниками царской администрации, вместе с нею эксплуатировали киргизский народ.

Народный суд по своей подсудности (по Проекту положения 1867 г.) делился на айильные суды биев, волостные съезды биев и чрезвычайные съезды биев. Кроме этих трех видов судов, в Киргизии существовал суд посредников — третейский суд⁷⁵.

Суды посредников имели право принимать к производству дела любой важности, если только обе стороны изъявляли желание судиться у них. «В таком случае решение биев, имеющее характер третейского суда, было окончательным на всякую сумму»⁷⁶.

Айильные суды биев и волостные съезды биев могли решать дела также на любую сумму (когда обе стороны оставались довольны решением этих судов), но решения первых были окончательными на сумму не свыше 100 рублей (5 лошадей или 50 баранов), а вторых — до 1000 руб. (50 лошадей или 500 баранов)⁷⁷.

На чрезвычайных съездах биев всегда присутствовали уездные начальники.

Судопроизводство во всех видах судов — третейских и айильных биев, волостных и чрезвычайных съездов — биев производилось на основе обычного права киргизов, с той только разницей, что здесь судили не родоправители, не родовые и племенные бии, а бии, избранные на основании Проекта положения 1867 г. Они (после решения дела) давали сторонам письменные копии решения (приговора) биев. На основании

⁷³ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 393, л. 22, об.

⁷⁴ ЦГА Казах. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 2016, л. 27.

⁷⁵ ЦГА Казах. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 4918, л. 110.

⁷⁶ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. I, сб. № 1. Составлен М. Г. Масевич. Алма-Ата, 1960, стр. 298.

⁷⁷ Там же, стр. 298—299.

этого документа старшина айла или волостной управитель взыскивали указанное имущество с ответчика.

Царские власти неоднократно стремились модернизировать и еще более приспособить Проект положения 1867 г. для колонизаторских целей. После опубликования этого документа царизм разработал целый ряд других проектов и положений, которые были направлены на сохранение суда биев и обычного права как одного из средств торможения развития киргизского народа. В этих проектах⁷⁸ царские власти, чтобы усилить угнетение во «вновь приобретенных краях», узаконивали такие патриархально-родовые пережитки, как кун, айып, калым, многоженство, браки малолетних и т. д.

Таким образом, «применяя нормы адата или шарната как в гражданских делах, так и в большинстве уголовных дел, «народные» суды тем самым в союзе с царскими чиновниками всемерно культивировали патриархально-родовые и феодальные отношения среди коренного населения»⁷⁹.

Не ограничившись Положением 1867 г.⁸⁰, царское правительство разработало Временное положение об управлении Степными областями 1868 г.⁸¹, Проект генерал-адъютанта фон Кауфмана 1871 и 1873 г.⁸², Проект положения об управлении Туркестанским краем 1874 г.⁸³, Проект генерал-лейтенанта Колпаковского 1881 г.⁸⁴, Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г.⁸⁵, Положение об управлении Степными областями 1891 г.⁸⁶, Проект временных правил о суде киргизов 1910 г.⁸⁷ и многие другие. Кроме того, надо упомянуть отчеты, обзоры и замечания комиссии по устройству суда, администрации и т. п.

Особое значение для Южной Киргизии имело Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г., а для Северной Киргизии — Положение 1867 г., а также Положение об управлении Степными областями 1891 г., которые без особых изменений и дополнений действовали на территории Киргизии

⁷⁸ ЦГА Казах. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 490, об.

⁷⁹ Н. Д. Дурманов. Уголовное право (особенная часть). Преступления, составляющие пережитки родового быта. М., 1938, стр. 5.

⁸⁰ Проект положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей 1867 г. СПб., 1868, стр. 74.

⁸¹ ЦГА Казах. ССР, ф. 345, оп. 1, д. 967, л. 66.

⁸² ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 1, л. 6, об.

⁸³ ЦГА Узб. ССР, КТГГ, ф. 1, оп. 27, д. 68, л. 20.

⁸⁴ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 1, л. 7, об.

⁸⁵ Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г. Ташкент, 1903, стр. 212.

⁸⁶ Материалы по истории политического строя Казахстана, т. I, Алма-Ата, 1960, стр. 381—399.

⁸⁷ ЦГА Казах. ССР, ф. 25, оп. 1, д. 2979, л. 22—36.

вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Следует указать, что другие разработанные положения и проекты положений, как, например, проекты фон Кауфмана (1871 и 1873 гг.), Колпаковского (1881 г.) и многие другие, не утвержденные комиссией по разработке положений для Туркестанского края, оставались без применения⁸⁸.

Положения 1886 и 1891 гг. по сравнению с Положением 1867 г. значительно расширяли границы подсудности имперских судов⁸⁹ и сужали, ограничивали подсудность так называемых «народных» — айльных судов биев⁹⁰.

Судебное устройство в Киргизии после принятия Положений 1886 и 1891 гг. осталось почти таким же, каким оно было по Временному положению 1867 г. Согласно имперским законам по Положениям 1886 и 1891 гг., ряд дел в уезде и в области рассматривался мировыми и областными судами, недо-

⁸⁸ Из вышеперечисленных положений царское правительство утвердило и применяло в крае лишь Временное положение об управлении Степными областями 1868 г., Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г. и Положение об управлении Степными областями 1891 г.

⁸⁹ В § 16 постановления токмакского чрезвычайного съезда биев 1893 г. указывается, что по Степному положению 1891 г. переходят с 1 октября сего года (1893) в ведение мировых судей и областного суда следующие дела:

1. О преступлениях и проступках, совершенных должностными лицами не только по службе, а и в частной жизни, например, кражи, драки и т. п.

2. О преступлениях против общественного спокойствия и порядка; а именно: а) за составление злонамеренных шаек и пристанодержательство; б) за ложные доносы и лжесвидетельство.

3. О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести, а именно: а) убийство, б) нанесение ран и побоев, последствием коих была смерть; в) изнасилование, г) противозаконное задержание и заключение.

4. О преступлениях против собственности: а) насильственное завладение чужим недвижимым имуществом, б) поджог и вообще умышленное истребление чужого имущества (ЦИИАЛ СССР, ф. 1396, оп. I, д. 400, л. 67, об.).

⁹⁰ В § 4, ч. 2 постановления токмакского чрезвычайного съезда биев 1893 г. указывается, что «после 1 октября (1893 г.) решения единоличных судей окончательны на сумму до 30 р. и об аресте до 7 дней. Эти решения обжалованию не подлежат, а по искам и арестам на большее количество (на большую сумму и на большие сроки.— С. К.) недовольные решением жалуются волостному съезду» (там же, л. 64, об.).

По тем преступлениям, которые отошли к подсудности имперских судов, киргизские «народные» суды только имели право взыскивать убытки, нанесенные подсудимым потерпевшему. На основании ст. 108 Положения 1891 г. за киргизским народным судом осталось только право «вознаграждать по обычаям за вред и убытки потерпевших от преступлений, но иск о вознаграждении за вред и убытки может быть заявлен в народном суде, только тогда, когда самое преступление судилось русским судом по общим законам Империи и когда потерпевшие не просили вознаграждения в русском суде» (Там же, л. 68).

вольные приговором этих судов стороны могли обращаться к областному правлению и правительствующему сенату.

По-прежнему действовали для киргизского населения так называемые народные суды, которые делились на третейские, образуемые по соглашению сторон, айльные (единоличные) суды биев, на волостные и чрезвычайные съезды биев. Недовольная решением чрезвычайного съезда биев сторона могла жаловаться своему уездному начальнику или областному губернатору, от которых зависел пересмотр дел. То, что уездные и областные административные начальники являлись «вышестоящей инстанцией» для судебного учреждения было одним из проявлений произвола, беззакония и угнетения царскими властями трудовых народных масс.

Каждый киргизский аил, в котором насчитывалось от 100 до 200 кибиток, имел по одному выборному айльному бию. В волости в зависимости от количества айлов разрешалось иметь от 4 до 8 биев, но с тем, чтобы «не приходилось больше одного судьи на каждое айльное или сельское общество»⁹¹.

Волостные съезды биев назначались один или несколько раз в год по мере накопления спорных вопросов в аилах. В таких съездах участвовали все айльные бии волости. Недовольные решением съездов могли жаловаться чрезвычайному съезду, который рассматривал также дела по искам на сумму свыше 1000 руб.

В системе киргизских народных судов особое место занимали чрезвычайные съезды биев, которые были не только высшими инстанциями киргизского народного суда, но и как бы законодательным органом для тех волостей, уездов и областей, на которые должны были распространяться ереже данного чрезвычайного съезда биев.

Чрезвычайные съезды биев по степени важности разбираемых ими дел можно разделить на несколько видов. Созывались съезды, например, для нескольких волостей или для всех волостей одного уезда⁹², для решения споров двух или более уездов одной области⁹³, между киргизами, проживающими в

⁹¹ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. I. Алма-Ата, 1960, стр. 395.

⁹² На пржевальском чрезвычайном съезде биев, состоявшемся 21 мая 1896 г. участвовали представители 10 волостей (ЦГА Казах. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 1236, л. 7, об.).

⁹³ На каркыранском чрезвычайном съезде биев, который состоялся 20 июля 1893 г., присутствовали бии из Иссык-Кульского и Джаркентского уездов Семиреченской области (ЦГА Казах. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 422, св. 36, л. 3).

разных областях⁹⁴. Назначались они также и для решения споров между двумя кочевыми народами⁹⁵, а иногда и между киргизами, проживающими в пределах владений Китая и царской России. Иначе говоря, они рассматривали иногда и споры, возникающие между киргизами, находившимися на территории других государств⁹⁶.

Чрезвычайные съезды биев назначались по распоряжению уездного начальника, чаще всего, когда дело касалось волостей одного уезда. Для решения же спора между соседними уездами одной или разных областей такие съезды биев созывались с согласия соответствующих уездных начальников и областных военных губернаторов. О назначении чрезвычайного съезда объявлялось населению «через туземную администрацию (волостных управителей и айльных старшин.— С. К.) заблаговременно и не позднее как за три месяца до открытия действия съезда»⁹⁷. Жалобы, адресованные чрезвычайным съездам, поступали уездным начальникам и волостным управителям. («Волостной управитель во все время, пока не откроет съезд биев, обязывался принимать жалобы, подлежащие народному суду, как письменные, так и словесные»⁹⁸.

Накануне открытия чрезвычайного съезда каждый род, каждое племя по-своему, учитывая свои споры с другими родами и племенами, разрабатывали ереже. Бии, участвовавшие в составлении совместного ереже для двух споривших родов, прибывали к месту съезда раньше и оформляли общие ереже, приемлемые для обеих сторон⁹⁹. Эти устные или письменные ереже, т. е. договоренности по спорным делам, вступали в за-

⁹⁴ В июле 1896 г. на юге Киргизии прошли чрезвычайные съезды биев киргизов Ат-Башинского участка Пржевальского уезда Семиреченской области и Андижанского и Ошского уездов Ферганской области (ЦГА Казах. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 1219).

⁹⁵ В июле 1865 г. по инициативе начальника Алатовского округа был созван чрезвычайный съезд биев для иссык-кульских киргизских племен бугу и казах Большой Орды Атбановской волости. Съезд состоялся в Верном. С каждой стороны участвовало по 11 биев. На этом съезде атбановский бий Тазабек Турсуманов и др. предъявили 2 куна бугунским родовым манапам и детям Балбай-батыра и т. д. (ЦГА Казах. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 566, св. 28, дело состоит из 48 л.).

⁹⁶ Международный чрезвычайный съезд биев для решения спорных дел между киргизами Иссык-Кульского, Токмакского уездов и казахов Верненского уезда Семиреченской области (российские подданные с кульджинскими казахами и киргизами (китайские подданные) проводился в Борохудзире (ЦГА Узб. ССР, КТГГ, ф. 1, оп. 20, д. 4062, л. 3).

⁹⁷ ЦГА Казах. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 4918, св. 317, л. 111.

⁹⁸ Рук. ф. Ин-та философии и права АН Казах. ССР, инв. № 21, стр. 3.

⁹⁹ Б. Тилекеев — информатор из с. Долинка, долина Иссык-Куля Киргиз. ССР.

конную силу после окончательного одобрения родоправителей и влиятельных лиц обеих сторон.¹

После добровольного вхождения Киргизии в состав России с принятием Проекта положения 1867 г. ереже для чрезвычайных съездов биев составлялись так же, только не родовыми и племенными биями, как было прежде, а биями для разбора взаимных претензий между наследием волостей, уездов и областей. В архивных документах ереже¹⁰⁰ чрезвычайных съездов часто именуется постановлениями¹⁰¹.

Местные царские власти края главным образом генерал-губернаторы для наибольшего удобства организации работы чрезвычайных съездов издавали различные правила¹⁰².

Бывали случаи, когда при составлении ереже между биями волостей, уездов и областей возникали споры по отдельным вопросам, иногда эти разногласия приводили к срыву чрезвычайного съезда биев¹⁰³ или продлению срока его созыва.

В постановлениях некоторых чрезвычайных съездов содержится перечень преступлений и соответствующих им наказаний. В этих постановлениях зачастую приводились и положения, касающиеся судеустройства и судопроизводства суда биев. Так, например, ереже токмакского чрезвычайного съезда биев, состоявшегося в мае 1893 г. у Биркулакского моста, содержит следующие главы:

глава I—о порядке судопроизводства, а также и о подсудности судов биев;

глава II—о сроках давности по направлению дел, изъятых из ведомства народного суда по Степному положению;

глава III—о собирании улики и присяжных;

глава IV—общие указания об ответственности по преступлениям и проступкам;

глава V—о джесирах (преступлениях в отношении женщин.—С. К.);

глава VI—о наследстве;

¹⁰⁰ Постановление чрезвычайного съезда биев Меркенского участка Аулие-Атинского уезда 15 марта 1908 г. (ЦИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, л. 400, л. 93—94) и др.

¹⁰¹ Постановление чрезвычайного съезда биев 9 волостей Ат-Башинского горного участка Пржевальского уезда 18 сентября 1905 г. (ЦИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 33, об.).

¹⁰² а) Правила для руководства на чрезвычайных периодических съездах для разбора взаимных претензий киргизов Семицалатинской и Семиреченской областей по делам, подлежащим ведению этих съездов (ЦГА Казах. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 4918, св. 317, л. 110—115);

б) Временные правила об обязанностях волостных управителей относительно народного суда (Рук. ф. Ин-та философии и права АН Казах. ССР, инв. № 21, стр. 3—5).

глава VII — о кражах, грабежах, истреблении чужого имущества, барымте, подлоге киргизских документов;
глава VIII — о решении дел по убийствам и увечьям;
глава IX — долговые обязательства;
глава X — об оскорблении чести и нарушении общественного спокойствия;
глава XI — о распределении вознаграждения и штрафов;
глава XII — о времени и месте распространения постановления¹⁰⁴.

Один из крупных специалистов по уголовному обычному праву казахов Т. М. Культелеев Постановление токмакского чрезвычайного съезда биев 1893 г. называет «Малым сводом обычного права»¹⁰⁵. Из этого свода только I, II, III главы относятся непосредственно к судопроизводству по уголовным делам по обычному праву у киргизов в дореволюционное время.

Рассмотрим вкратце содержание глав.

Глава I излагает порядок судопроизводства третейских и айльных (единоличных) судов, волостных и чрезвычайных съездов биев по Положениям 1867 и 1891 гг. Нет необходимости повторяться, однако следует сказать, что если дела, поданные военному суду и суду по общим уголовным законам Империи, были малозначительными и маловажными, они могли передаваться уездными и областными начальниками на разбор киргизскому чрезвычайному съезду биев. Так, в § 1 ереже токмакского съезда говорится, что на «съезде подлежат разбору дела, указанные в §§ 130, 131, 133 (о содержании этих

¹⁰³ Например, о чрезвычайном съезде биев, назначенном для киргизов, проживающих на территории России, и киргизов, проживающих на территории Китая, старший чиновник особых поручений в своем представлении начальнику военного губернатора Семиреченской области пишет, что на международном съезде в урочище Кеген (в Китас, у подножия горы Каракорум, около г. Джаркента.— С. К.) три дня не составлялось ереже вследствие взаимных споров. Китайские киргизы (чиновники) не желали допустить в ереже выражения, «чтобы доставлены были на съезд в качестве ответчиков наши перебежчики» (ЦГА Казах. ССР, ф. 64, оп. I, д. 5121; св. 333, л. 24).

¹⁰⁴ Ереже токмакского чрезвычайного съезда биев 1893 г., открытого для киргизов Токмакского уезда с 1 по 15 мая 1893 г. у Биркулакского моста. Тип. Семиреченского обл. правления, Верный, 1893, стр. 52.

Этот материал находится в рукописных фондах Ин-та философии и права АН Казах. ССР, (т. VII, стр. 352—382), а также в Ленинградском ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. I, д. 400, л. 62—88 на русском и киргизском (арабский шрифт) языках.

¹⁰⁵ Т. М. Культелеев. Указ. работа, стр. 94.

статей говорилось выше.— С. К.) и 205¹⁰⁶ Проекта положения об управлении Семиреченской области 1867 г. В этой же главе рассматривается вопрос о порядке взыскания с ответчика присужденного количества скота и о налагаемых штрафах «за самовольный, насильственный привод сторонами людей на суд»¹⁰⁷, за неявку по вызову на суд, за ложное свидетельство, говорится в ней и о функциях джигитов во время чрезвычайного съезда и т. д.

Глава II названа «О сроке давности». Следует заметить, что понятие давности привлечения виновных к уголовной ответственности существовало и до вхождения Киргизии в состав России, но сроки давности в тот период конкретно не определялись. Об этом свидетельствуют дореволюционные материалы, где указывается, что строго определенного понятия давности у киргизов не было и что всякое нарушенное право, хотя бы прошло несколько десятков лет, может быть восстановлено, если имеются ясные доказательства¹⁰⁸.

В прошлом истечение срока давности уголовного преследования имело двойные последствия. Если виновник был из слабого рода или из бедных сословий, то при привлечении его к уголовной ответственности, т. е. при взыскании ущерба, давность фактически не принималась во внимание (срок считался не истекшим). Если истцом являлись члены слабого рода, бедняки или безродные, то их иск считался давнишним и посредники или бии, не доводя дела до судебного разбирательства, склоняли стороны к обоюдному соглашению. «Обычаев, касательно давности исков,— пишет Г. С. Загряжский,— в киргизском судопроизводстве не существует, однако же судья не строго постановляет решение по таким делам, которые начаты по жалобам истца по истечении трех лет после совершившегося преступления, в таких делах судьи стараются примирить тяжущихся»¹⁰⁹.

Н. И. Гродсков, касаясь этого вопроса, отмечает, что «давность признается только в малых преступлениях, не открытых

¹⁰⁶ «Русские купцы и торговцы по делам с киргизами,— говорится в параграфе,— если пожелают, могут обращаться к суду биев» (Проект положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей 1867 г. СПб., 1968, стр. 106).

¹⁰⁷ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 65, об.

¹⁰⁸ ЦГА Казах. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 1922, л. 41.

¹⁰⁹ Г. С. Загряжский. О народном суде у кочевого населения Туркестанского края, по обычному праву (зап.). Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV. СПб., 1876, стр. 202.

в течение не менее 5 лет. В убийствах же и делах брачных давности не существует»¹¹⁰.

Мы считаем, что Г. С. Загряжский и Н. И. Гродеков правы в отношении вопроса давности уголовного преследования по убийствам. Это подтверждается народными поговорками и существующими среди народа до сих пор выражениями — «Кун атадан балага өтөт». («Кун переходит от отца к сыну») или «Джеты атанга (атана) чейин кубасамбы». («Буду преследовать до твоего седьмого поколения»).

В действительности, как сказано выше, в обычном праве киргизов не было конкретного срока давности для предъявления обвинения. Все зависело от конкретных условий, влиятельности родов, классовой принадлежности и т. д.

В этой главе, кроме того, указывается, что со вступлением в законную силу Положения 1893 г. волостные управители и аульные старшины должны производить дознание о случившихся преступлениях на своих участках. По новому положению они обязывались производить розыск, дознание и составлять акт при участии понятых (свидетелей) об осмотре места преступления, о найденных уликах, вещах, орудиях преступления¹¹¹ и т. п.

Надо сказать, что до добровольного вхождения в состав России у киргизов также производились обыски и велось дознание (не волостными управителями и аульными старшинами, а самими потерпевшими или их сородичами). Дознание в то время велось устно при свидетелях, причем нередко применялось физическое насилие.

Итак, с момента добровольного вхождения в состав России, до вступления в законную силу Положения 1891 г. в Киргизии местные судебные органы на первой стадии следствия письменных документов не составляли.

В главе III рассматривается вопрос об уликах и присяжных. Если прежде собиране обвинительных улик и свидетельских показаний полностью зависело от потерпевших, а оправдательных — от обвиняемых, то после принятия Положения 1891 г. царские власти принудили суды биев принимать во внимание при разбирательстве дела в суде главным образом свидетельские показания. Уменьшилось значение обвинительной и очистительной присяги. В постановлении токмакского съезда указывается, что решения дел через очистительную или обвинительную присягу следует по возможности избегать¹¹².

¹¹⁰ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I (юридический быт). Ташкент, 1889, стр. 172.

¹¹¹ Ереже токмакского съезда биев. Верный, 1893, § 17.

¹¹² Постановление токмакского съезда биев. Верный, 1893, § 18.

Бия, который решал большинство дел присягою, а не свидетельскими показаниями, считали человеком, не отвечающим своей должности. Однако в действительности и после принятия Положения 1891 г. к присяге прибегали очень часто. Присяга назначалась на срок от 7 дней до 4 месяцев и давалась до заката солнца в назначенный день¹¹³. Присяга назначалась биями по местному обычаю¹¹⁴ и к ней допускались только мужчины от 21 до 65 лет¹¹⁵ (раньше, до вхождения Киргизии в состав России, присягали мужчины, достигшие совершеннолетия, т. е. с 15-летнего возраста). От женщин и детей присяга не принималась, за них присягал муж, отец, брат¹¹⁶ и т. д.

От присяги освобождались богатые феодалы. Их устное свидетельство принималось за присягу.

Как указано выше, генерал-губернаторы на основании тех или иных законоположений для проведения уездных, областных и других чрезвычайных съездов в Средней Азии и Казахстане иногда разрабатывали особые правила для руководства деятельностью судов. Так, например, генерал-губернатор Колпаковский 18 августа 1884 г. издал Правила для руководства на чрезвычайных периодических съездах для разбора взаимных претензий киргизов Семипалатинской и Семиреченской областей по делам, подлежащим ведению этих съездов¹¹⁷.

До этого, как отмечено выше, на всяких, в том числе и межобластных съездах биев действовали все инстанции народного суда: отдельные бии, волостные съезды и чрезвычайный съезд биев, а также третейский суд. К подсудности всех чрезвычайных съездов относились иски на любую сумму.

Все киргизское население тех уездов и областей, для которых съезд предполагалось открыть, оповещалось о дне созыва съезда. Начальники уездов не позднее чем за три месяца до открытия объявляли по своим уездам через местную администрацию — волостных управителей и айльных старшин — о дне созыва съезда. По истечении месяца со дня получения от

¹¹³ И. И. Ибрагимов. Заметки о киргизском суде. Зап. НРГО по Отделению этнографии, т. VIII, отд. II, стр. 239.

¹¹⁴ Присяги принимали по-разному, в зависимости от местных условий, быта, культуры, степени религиозности, например: от лиц, дающих присягу, требовали, чтобы они присягали, семь раз обходя могилу своего отца, деда и т. д.; присягу давали у известного источника, дерева (не всякого дерева, а именно у долоно — вид дикорастущих деревьев, у камня, и т. д.; в некоторых местах присягали в белом саване, или стоя босой ногой на хлебе и т. д. (ср. же токмакского чрезвычайного съезда..., 1893 г., § 23. д. 400, л. 69, об.).

¹¹⁵ Там же, § 21.

¹¹⁶ Там же, § 20.

¹¹⁷ ЦГА Казах. ССР, ф. 64, оп. I, д. 2093, св. 122, л. 58.

уездного начальника официального документа о созыве чрезвычайного съезда биев каждый волостной управитель извещал об этом все население своей волости; при этом указывался предмет претензий и составлялись списки нужных по делу ответчиков и свидетелей. Эти списки волостные управители представляли уездным начальникам в двух экземплярах, копию уездный начальник оставлял у себя¹¹⁸, а первый экземпляр не позже чем через 15 дней со дня получения отсылал тому уездному начальнику, в ведении которого находились вызываемые ответчики и свидетели.

Списки составлялись просто: в первой графе записывались фамилии и имена истцов, во второй—имена и фамилии ответчиков и свидетелей, третья графа отводилась для росписей лиц, вызванных на съезд. Такие списки составлялись отдельно для каждой волости. Уездный начальник, получив списки, немедленно передавал их волостным управителям соответствующих волостей с приказанием объявить ответчикам и свидетелям о вызове их на чрезвычайный съезд биев. Каждый ответчик и свидетель давал в этом случае подписку. В дальнейшем списки передавались специально командированным на чрезвычайный съезд биев царским чиновникам.

Съезд проходил, как указывалось выше, под наблюдением царских чиновников¹¹⁹, которые назначались военным губернатором по одному из каждой области. Но эти чиновники не должны были быть из состава администрации тех уездов, для которых созывался съезд биев.

Командированные чиновники согласно правилам обязаны были следить за порядком работы съезда, содействовать разрешению всех претензий, предъявляемых тяжущимися сторонами, убеждать их мирно и согласованно решать все взаимные расчеты на основании решения съезда биев; чиновники наблюдали также за тем, чтобы все принятые решения по возможности были исполнены до окончания съезда биев.

Сами командированные чиновники согласно правилам ни под каким видом не должны были вмешиваться в дела суда, а равно не должны были допускать и всякое постороннее вмешательство. В действительности же это требование носило большей частью формальный характер и поэтому царскими

¹¹⁸ Оставленный у себя второй экземпляр списка истцов уездный начальник высылал ко дню открытия съезда царским чиновникам, командированным областным начальством на чрезвычайный съезд биев.

¹¹⁹ Чиновники для проведения межобластных чрезвычайных съездов биев могли быть назначены военным губернатором из своих областных штатов или из чиновников уездных управлений.

чиновниками, местными влиятельными лицами¹²⁰ часто нарушалось.

Находящимся на съезде волостным управителям и айльным старшинам вменялось в обязанность выполнять все требования командированных на этот съезд чиновников, если эти требования относились к делу данного съезда.

Уездные начальники давали распоряжение всем волостным управителям, чтобы они прибыли на чрезвычайный съезд вместе с биями, истцами, ответчиками и свидетелями.

На съезде, кроме вышеуказанных чиновников, должны были присутствовать также и уездные начальники всех тех уездов, для которых назначался съезд (для того, чтобы тут же на месте дать соответствующие распоряжения волостным управителям, например, привести в исполнение постановление съезда и т. д.).

Решения чрезвычайного съезда биев были окончательными независимо от суммы штрафа и подлежали немедленному исполнению. Следует указать, что немедленно и обязательно исполнялись те решения съезда, которые касались иска, не превышающего 10 гол. скота; если ответчику предъявлялся более крупный иск, то взыскание производилось в айле ответчика (обвиняемого) в присутствии айльного старшины или волостного управителя.

Перед открытием чрезвычайного съезда командированные чиновники предлагали собравшимся влиятельным лицам и биям составить предварительное условие — ереже — для решения дел на предстоящем съезде. Это письменное условие зачитывалось собравшимся и, если не было возражений против сущности введенных в него правил, закреплялось печатями и подписями представителей местной администрации и биями, участвовавшими в составлении данного ереже. Это ереже было одинаково обязательно для всех биев и лиц, имеющих от-

¹²⁰ Например, старший чиновник для особых поручений капитан Рейнталь о злоупотреблениях местных влиятельных лиц родов в своем рапорте на имя военного губернатора Семиреченской области генерал-майора Колпаковского от 4 марта 1876 г. писал: «Отступление от правил, изложенных в «Проекте положения» о чрезвычайных съездах, на съездах Сусамырском и Сон-Кульском состоит в том, что в решении дел принимали самое большое участие не бии, а лица влиятельные, с самым дурным намерением и корыстолюбием. Допущение этих лиц к роли судей послужило источником всех прочих беспорядков и несчастий для киргиз. Народ, хотя и не усвоил еще своих прав относительно суда, но понимал, что решения съезда были не сообразны с законом и поэтому противоречили здравому смыслу, а так как на съезде была русская власть, на глазах которой происходило все, никто протестовать не мог» (ЦГА Казах. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 20, л. 5 и об.).

ношение к чрезвычайному съезду. Разумеется, ереже чрезвычайных съездов биев составлялись с учетом выгоды киргизских бай-манапов и целей колонизаторской политики царского правительства. В нем указывалось, что если стороны не пришли к единому мнению в отношении правильности решений своих споров в суде или волостном съезде биев, то такое дело рассматривалось в конце съезда на общем собрании всех биев или же по окончании ежедневной работы чрезвычайного съезда.

Чиновники, командированные на чрезвычайный съезд биев, не имели права сами вводить в состав суда по какому-либо делу того или иного бия по своему усмотрению, а могли лишь организовать общий суд из биев, присутствовавших на данном съезде. Конечно, это формальное требование часто нарушалось, так как все царские чиновники имели почти неограниченные права.

Решения суда записывались в книге по установленной форме, книга зашнуровывалась и скреплялась печатями командированных чиновников. Копии с решений не снимались, а в свободной графе делались лишь отметки об исполнении решения¹²¹.

Книги готовились по числу участвующих в чрезвычайных съездах уездов, в них заносились дела только тех уездов, где проживал ответчик. Книги по окончании съезда отсылались тому уездному начальнику, где проживал ответчик.

Если дело передавалось для решения на очистительную или обвинительную присягу, то это удостоверялось биями в особой графе книги.

Если тяжба кончалась миром, то все подробности дела также записывали в судебную книгу.

Решения и мировые сделки, записанные в книге суда, не оспаривались, если не было на это законных оснований.

Как истцы, так и ответчики имели право не являться лично на чрезвычайные съезды биев. В этих случаях они присылали доверенных лиц с официально засвидетельствованной доверенностью.

Если почему-либо дело разобрать было невозможно или оно не могло быть решено на данном чрезвычайном съезде, командированные чиновники выдавали истцу удостоверение с правом предъявить свой иск на следующем съезде.

По окончании чрезвычайного съезда биев командированные чиновники составляли отчет о ходе дел на съезде и об ис-

¹²¹ Вырезка из книги копий для выдачи на руки истцу обязательна была лишь по тем делам, решить которые нельзя было на самом съезде.

полнении решений и этот отчет представляли военному губернатору области¹²².

Как правило, царские чиновники — представители из области и уезда, руководившие чрезвычайными съездами биев, в своем отчете на имя военного губернатора области писали, что «съезд прошел для удовольствия народа». О шантаже, взятках, произволе, чинимом волостными управителями, судами биев и влиятельными лицами родов, они предпочитали умалчивать, так как сами были соучастниками многих должностных преступлений. Например, пржевальский уездный начальник Шосте, по рекомендации своего переводчика Булатова, систематически получал взятки от местных должностных лиц. Об этом в архивных документах говорится: «Уездный начальник Шосте брал взятки с каждого волостного управителя, с некоторых старшин, со всех судей, назначаемых им по рекомендации его любимца — письменного переводчика Булатова»¹²³. Дальше, в этом же документе указывается, каким путем уездный начальник Шосте получал эти взятки. «Когда господина Шосте поздравляют волостные и почетные лица с праздником, каждый кладет 100 и не менее 50 рублей¹²⁴ за выпитый стакан чая, который подносит гостю одна из барышень Шосте»¹²⁵.

А местные должностные лица, чтобы окупить свои убытки с лихвой, в свою очередь, пользуясь, с одной стороны, поддержкой царских чиновников, с другой — широким, произвольным толкованием норм обычного права киргизов, бесцеремонно грабили киргизский народ. К. К. Пален об этом писал следующее: «Пользуясь гибкими и не имеющими безусловно обязательного значения нормами обычного права, народный суд имеет возможность привлекать туземцев к ответственности даже за не существующие ни в каких кодексах преступления, безгранично властвуя в широких пределах предоставленной ему компетенции и не связанный ни какими формальными обязанностями, он может постановлять и постановляет совершенно произвольные, явно несправедливые приговоры и решения»¹²⁶. Например, о случаях произвола в Сокулукской волости со стороны родоначальника Чолпонкула местные жители в одном из своих заявлений на имя начальника Пишпекского уезда писали: «В настоящее время противники наши, волостной упра-

¹²² ЦГА Казах. ССР, ф. 64, оп. I, д. 2093, св. 112, л. 58—64.

¹²³ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. I, д. 60, л. 116.

¹²⁴ В то время хороший баран стоил 2—3 руб.

¹²⁵ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. I, д. 60, л. 116.

¹²⁶ К. К. Пален. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909, стр. 42.

витель и все народные судьи в руках Чолпонкула, ...на нашей стороне нет ни одного судьи, поэтому многих из нас 9 ноября вызвали на суд биев в качестве ответчиков. Если мы явимся, то без сомненья будем приговорены, а если же не явимся, то согласно циркуляра Генерал-губернатора от ноября месяца 1906 г. будем приговорены заочно»¹²⁷.

По Положению 1867 г. основные виды преступлений киргизов, за исключением § 130, 131, 133, 205 и «дел о разбоях и грабежах»¹²⁸, были подсудны киргизским судам биев.

С вступлением в законную силу Положения 1891 г., как указано выше, многие виды преступлений, которые ранее были подсудны судам биев, теперь перешли в подсудность мировых и областных имперских судов.

В статье 141 Положения 1891 г. указывается, что «лица, принадлежащие к туземному населению, привлекаются к ответственности на общих основаниях за нижеследующие преступления: 1) против веры христианской; 2) государственные; 3) против порядка управления; 4) по службе государственной и общественной; 5) против постановлений о повинностях государственных и земских; 6) против имущества и доходов казны; 7) против общественного благоустройства и благополучия: а) нарушений Устава карантинного, б) нарушений против повальных и прилипчивых болезней и в) нарушений правил, установленных на случаи скотских падежей; 8) против общественного спокойствия и порядка: а) составляющие злонамеренные шайки и притонодержательство, б) лживые доносы и лжесвидетельство по делам, судимым по законам империи, в) укрывательство беглых, г) порча телеграфов и дорог; 9) против законов о состояниях; 10) против жизни, здоровья, свободы и чести: а) убийство, б) нанесение ран и побоев, последствием которых наступала смерть, в) изнасилование, г) противозаконное задержание и заключение; 11) против собственности: а) насильственное завладение чужим недвижимым имуществом и истребление граничных меж и знаков, б) поджог и вообще умышленное истребление чужого имущества, в) разбой и грабеж, г) похищение казенного имущества и подлог русских документов»¹²⁹.

В статье 142 этого Положения говорится: «Дела о преступлениях и проступках, хотя и не принадлежащих к перечисленным в статье 141, но совершенных туземцами в отношении русских, а равно в пределах русских поселений, ведутся судеб-

¹²⁷ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. I, д. 393, л. 2.

¹²⁸ Газ. «Семиреченские областные ведомости» № 57 от 17 июля 1909 г., стр. 391.

¹²⁹ Материалы по истории политического строя Казахстана, т. I. Алма-Ата, 1960, стр. 364.

ными установлениями на общих основаниях и не подлежат разбирательству народных судов»¹³⁰.

Кроме этого в статье 109 отмечено, что «ведомству мировых судей и областных судов подлежат, кроме дел, перечисленных в статьях 141 и 142 Положения об управлении Туркестанского края¹³¹, дела о преступлениях и проступках, совершенных должностными лицами из инородцев»¹³².

Как положения об управлении Туркестанским краем, так и положения, касающиеся Степных областей, постоянно дополнялись и изменялись. Например, в 1887 г. ст. 141 Положения 1886 г. была дополнена следующим абзацем: «Ослушание личного приказа уездного начальника, допущенное толпою дравшихся и буйствовавших киргизов во время выборов... подлежит ведомству общих, а не народных судов»¹³³, а статья 142 Положения 1891 г. также дополнена в 1895 г.: «Дело по обвинению туземцев в употреблении неправильных гирь и весов изъяты из ведения народных судов»¹³⁴ и т. д.

Таким образом, царские власти, чтобы на основании 141, 142 и других статей положений захватить юриспруденцию местного населения в свои руки, в основном преступления, совершаемые киргизами, сделали подсудными имперским мировым, областным судам и правительствующему Сенату¹³⁵.

После вхождения Киргизии в состав России царские власти стремились ограничить влияние на народ крупных и средних манапов¹³⁶. Были организованы новые местные аильные и волостные административные управления. На должности в них избирались крупные, средние и мелкие манапы или их послушные представители. С введением нового административного управления в Киргизии царские власти до некоторой

¹³⁰ Там же.

¹³¹ В данном случае статьи 141 и 142 Положения 1886 г. совершенно тождественны статьям 141 и 142 Положения 1891 г.

¹³² Материалы по истории политического строя Казахстана, т. I. Алма-Ата, 1960, стр. 395.

¹³³ Б. П. Каплунов. Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г. Ташкент, 1903, стр. 72.

¹³⁴ Материалы по истории политического строя Казахстана, т. I. Алма-Ата, 1960, стр. 364.

¹³⁵ Там же, стр. 362.

¹³⁶ О власти манапов О. А. Шкапский пишет: «Каждый манап был своего рода князь — владыка. Под владычеством манапов сосредоточивалось от 100—600 кибиток букары, над которыми манап властвовал, которых он судил, имуществом которых он распоряжался вполне самостоятельно» (О. А. Шкапский. Киргизы-крестьяне. «Изв. РГО», т. 41, вып. IV. СПб., 1905, стр. 771). Но О. А. Шкапский пишет о власти средних и некоторых крупных манапов, а в действительности крупные родовые и племенные манапы — «чон манапы», «ага манапы» имели в своем подчинении от тысячи до 10—15 тыс. юрт населения.

степени ограничили произвол крупных манапов. Но власть манапов, биев и айльных старшин на своих соплеменников распространялась еще долгое время, вплоть до упрочения Советской власти в Киргизии.

Что касается судов казиев, то они существовали наряду с судами биев (как в период до вхождения Киргизии в состав России, так и после этого), хотя удельный вес рассматриваемых ими дел был небольшим, и эти суды находились лишь в оседлых и в частично полuosедлых районах юга Киргизии.

Во время господства Кокандского ханства ханы усиленно стремились ввести на территории Северной и Южной Киргизии суды казиев. Например, в рапорте Колпаковского от 4 сентября 1873 г. указывается: «Кокандские ханы силою хотят подчинить жизнь киргизов шариату»¹³⁷. Газета «Санкт-Петербургские ведомости», отмечая стремление кокандского Худояр-хана заменить нормы обычного права киргизов мусульманским правом — шариатом, писала, что «политика прежних кокандских властей возобновлена Худояр-ханом ещё в большей степени. Кочевое население, имеющее свои особые нравы и обычаи, насильственно начали подчинять шариату»¹³⁸.

До вхождения южных районов в состав России, особенно тех, где киргизы жили смешанно или в соседстве с оседлым узбекским и таджикским населением, на них был распространен суд казиев¹³⁹ и казий-келонов¹⁴⁰, решавших дела по мусульманскому праву — шариату.

Процесс перехода от суда биев к судам казиев начался в Южной Киргизии примерно в конце XVIII — начале XIX вв. и продолжался вплоть до Октябрьской революции. После вхождения Южной Киргизии в состав России значение суда казиев здесь усилилось, особенно с образованием Ферганской области и с централизацией местного аппарата, хотя царские чиновники считали, что «с точки зрения политической шариат

¹³⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. I, оп. 32, д. 278, л. 4—5.

¹³⁸ «Санкт-Петербургские ведомости», № 268, 28 сентября 1874 г.

¹³⁹ Казий — «духовное лицо, назначаемое беком на бессрочные времена из лиц, выдержавших испытания в изучении правил шариата и толкований учёных мужей. Испытание это производит казий-келон и без удостоверения его о выдержании экзамена никто не может получить место судьи». (Всеподданнейший доклад Особого комитета по устройству среднеазиатских областей по проекту положений об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей. Ташкент, 1880, стр. 171).

¹⁴⁰ Казий-келон — это мулла, знаток корана и мусульманского права-шариата. Казий-келон во время еженедельных и праздничных молитв считался одним из влиятельных духовных лиц в данной местности. Казий-келон как судья наряду с гражданскими и мелкими уголовными делами рассматривал также и дела о самых тяжких преступлениях и мог назначить наказание вплоть до смертной казни. Во время съездов казиев место председателя обычно занимал он (там же, стр. 172—173).

как право юридическое, основанное во всяком случае на религиозных догматах фанатичного мусульманства, скорее вреден, нежели нейтрален»¹⁴¹. Один из царских чиновников, командированных в Среднюю Азию и Казахстан в 1900 г., капитан особых поручений Давлетшин, детально познакомившись с судопроизводством в Ошском уезде, писал: «Сколько я мог узнать, переход от суда по обычному праву к суду по шариату совершался и по занятии края (царской Россией.— С. К.) до последних лет включительно»¹⁴².

Далее он замечает, что киргизские суды биев постепенно стали вытесняться и уступать свое место судам казиев: «Раньше,— пишет он,— киргизы судились у биев, разбиравших дела смешанно и по адату и по шариату, но без помощи муфтиев¹⁴³, несколько времени тому назад... население (оседлые и полuosедлые киргизы.— С. К.) избирало себе казия и стало судить по шариату»¹⁴⁴.

Однако отчет Давлетшина свидетельствует о том, что в начале XX в. многие кочевые и полукочевые роды и племена Южной Киргизии решали свои споры не по шариату — в суде казиев, а по адату (заңу) — в суде биев. «На Куршабе,— указывает Давлетшин,— впервые встретил судей чисто кочевых киргизов кипчакской волости»¹⁴⁵. И далее: «Дела решаются по адату и при разборе, по словам Кундашбаева (бия.— С. К.), заседают и анльные аксакалы, с которыми судья советуется по существу дела и справляется относительно подобного же рода дел, бывших раньше, и о состоявшихся по ним решениям»¹⁴⁶.

Таким образом, население Пишпекского и Пржевальского уездов Таласской долины Аулие-Атинского уезда Северной Киргизии, кочевое и часть полукочевого населения Южной Киргизии (Ошского и горных районов других уездов Ферган-

¹⁴¹ ЦГА Узб. ССР, КТГГ, ф. 1, оп. 27, л. 68, л. 2, об.

¹⁴² Давлетшин. Отчет капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край и Степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб., 1901, стр. 40.

¹⁴³ Муфтий—мулла, получивший образование в мусульманском медресе. Муллы в должности муфтия специализировались по мусульманскому праву — шариату. На юге Киргизии в суде казиев они одновременно являлись заместителями казиев и в их обязанности входил подбор нужных положений, норм и мнений из произведений признанных авторитетов в области шариата. Кроме этого, муфтий имел по шариату обязанности по просьбе просителя за плату написать заявление, жалобу, доверенность и т. п. Когда по указанию царского правительства суды биев и суды казиев были преобразованы в местные «народные» суды, большинство муфтиев перешло на адвокатскую работу.

¹⁴⁴ Давлетшин. Указ. работа, стр. 41.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же.

ской долины), несмотря на усиление религии ислама в дореволюционной Киргизии, свои споры решало на основе обычного права предков — в суде биев¹⁴⁷.

Главное, существенное отличие суда казиев от суда биев заключается в том, что суд казиев подразделял дела на уголовные и на гражданские¹⁴⁸, тогда как суд биев такого деления не знал и все дела рассматривал в одном и том же порядке.

Таким образом, в отличие от суда казиев суд биев не признавал большого различия между уголовным и гражданским правом. Уголовное обычное право киргизов, по существу в преступлениях усматривало в большинстве случаев¹⁴⁹ лишь гражданские правонарушения, наказуемые взысканием определенной суммы в пользу пострадавшего и его родственников¹⁵⁰.

Мусульманское право — шариат и его судебные органы, суд казиев, казий-келонов и другие суды достаточно полно изучены многими крупными исследователями стран Ближнего Востока и Европы. Поэтому вопросов, касающихся судостроительства и судопроизводства суда казиев до Октябрьской революции на юге Киргизии, мы в настоящей работе не затрагиваем.

Следует отметить, что в течение столетия киргизами от соседних мусульманских народов были заимствованы многие положения религии ислама и мусульманского права — шариата. Эти положения со временем изменялись, переходили в быт народа и становились нормами обычного права киргизов. Заметнее всего это наблюдалось в Южной Киргизии, где до Октябрьской революции во многих районах в соседстве с судом биев существовали суды казиев. Освещение некоторых положений шариата, вошедших в уголовное обычное право киргизов, является предметом специального исследования. Поэтому мы здесь также не будем касаться тех положений шариата, которые преобразовались в обычное уголовное право киргизов.

¹⁴⁷ К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961, стр. 129.

¹⁴⁸ Рук. ф. Ин-та философии и права АН Казах. ССР, № 13, стр. 501.

¹⁴⁹ Следует отметить, что если человек, совершивший преступление, был не в состоянии оплатить вину своим имуществом или имуществом своих близких родственников, то он мог быть передан потерпевшему в услужение или для телесного наказания.

¹⁵⁰ За изнасилование виновный подвергался штрафу — двадцать пять голов скота (ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 75). «Винювые в краже скота приговаривались к «айыпу» в размере 9 гол. за каждую украденную скотину...» (ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 33).

ГЛАВА III

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ КИРГИЗОВ

Всестороннее, научное исследование уголовного обычного права киргизов — большой и сложный процесс. В данной работе автор освещает лишь некоторые вопросы уголовной ответственности по уголовному обычному праву киргизов преимущественно в период после добровольного вхождения Киргизии в состав России.

Понятие «преступление» является категорией классовой, исторически изменчивой: со сменой одной общественно-экономической формации другой меняется и само понятие преступного. Утверждая это положение, профессор Н. Д. Дурманов пишет: «Преступление — понятие юридическое, исторически изменчивое»¹⁵¹.

Накануне добровольного вхождения в состав России Киргизия была типичной феодальной страной с феодальной системой права, формальным и фактическим неравенством различных классов перед законом. Обида, нанесенная отдельным членам общества, в особенности представителями имущего класса, распространялась на всех членов рода¹⁵².

В киргизском уголовном обычном праве слово «преступление» на киргизском языке обозначалось словом «кылмыш», а грех и вина — «куне», проступок — «жазык», обида — «ыза».

По обычному праву киргизов во многих случаях слова «кылмыш» и «кунс» вместе давали понятие преступления. Человек, совершивший «кылмыш», вместе с тем совершал и «куне», т. е. «противобожественный» и аморальный поступок, который рассматривался в обычном праве как преступление.

Такие действия, как кровосмешение, оскорбление и осрамление старших, в особенности почетных лиц, открытое непочитание святых мест, неисполнение религиозных обрядов, пре-

¹⁵¹ Н. Д. Дурманов. Понятие преступления. М., 1948, стр. 170.

¹⁵² А. Талызин. Пишпекский уезд. Исторический очерк. 1855—1868 г., т. II, Верный, 1898, стр. 37.

любодеяние, считались не только грехом, «куне», безнравственным и позорным явлением, но и серьезнейшим преступлением, влекущим за собой строгую ответственность¹⁵³.

Проступок (жазык), обида (ыза) также были тождественными понятиями.

Н. И. Гродеков писал: «Обычай хотя и имеет понятие о преступлениях более важных и менее важных, но не разделяет их на уголовные и гражданские»¹⁵⁴. Это подтверждает и И. Козлов, отмечая, что «о гражданской и уголовной неправде, так строго различаемой юристами, киргизы имеют понятие не развитое ни по содержанию, ни по форме»¹⁵⁵.

3 [Киргизское уголовное обычное право знает две формы вины: умышленную — «кастык», «карасанатайлык» и неосторожную — «кокустук», «абайсыздык».

В обычном праве киргизов обвиняемый за совершение умышленного преступления наказывался гораздо строже, чем за неосторожное. Н. И. Гродеков отмечает: «Преступление, совершенное с заранее обдуманном намерением, увеличивает вину»¹⁵⁶. На это указывает также и Г. С. Загряжский: «Преступник, совершивший преступление вследствие заранее обдуманного намерения, — подчеркивает он, — наказывается высшей мерой наказания. Например, если за воровство назначается один из тогузов, то он оплачивает большой тогуз»¹⁵⁷.

Преступление, совершенное по неосторожности, рассматривалось как вызванное случайным стечением обстоятельств. Поэтому часто виновные лица освобождались от ответственности. Г. С. Загряжский по этому поводу пишет: «Неумышленное преступление не считается преступлением, а потому учинившему таковое, кроме взыскания причиненного кому-либо от этого убытка, особого наказания не назначается»¹⁵⁸.

В ереже токмакского чрезвычайного съезда биев указывается, что «нечаяное убийство не наказывается куном»¹⁵⁹. Даль-

¹⁵³ Например, в материалах чрезвычайного съезда биев Пржевальского уезда в § 9 указывается, что «за нанесение оскорбления словами (старшим и т. д. — С. К.) виновные приговариваются к уплате айыпа в размере 9 голов скота» (ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 33 и 59).

¹⁵⁴ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889, стр. 142—143.

¹⁵⁵ И. Козлов. Обычное право киргизов. Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882, стр. 322.

¹⁵⁶ Н. И. Гродеков. Указ. работа, стр. 143.

¹⁵⁷ Г. Загряжский. Юридический обычай киргизов. Ежегодник, вып. IV. СПб., 1876, стр. 166.

¹⁵⁸ Там же, стр. 162.

¹⁵⁹ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 82, об.

ше в материалах этого же ереже читаем: «Не полагается куна и айыла..., когда во время скачки на байге упадет с лошади мальчик и убьется до смерти»¹⁶⁰.

Обычному праву киргизов было известно не понятие «необходимая оборона», а «коргонуу» — слово, которое охватывало не только понятие «оборона», в том числе и необходимая, но и месть потерпевшего. Пострадавший имел право преследовать виновного не только в момент нападения, но и после, когда уже отсутствовала непосредственная опасность.]

Имущие классы, особенно сильные родоправители, использовали «коргонуу» как одну из уважительных причин для открытого ограбления трудового населения.

В уголовном обычном праве киргизов существовало понятие и об институте «крайней необходимости». Любое действие по обычному праву, если оно совершалось под влиянием крайней необходимости, не преследовалось в уголовном порядке. Не считалось преступлением, если принудительно брали лошадей для преследования грабителей, для защиты от барымты во время междоусобиц и т. п.]

Хотя, уголовное обычное право киргизов и не делало строго разграничения между правонарушением вообще и преступлением в частности, оно все же квалифицировало преступление, как общественноопасное деяние, затрагивающее интересы господствующего класса.] Это наглядно подтверждается и материалами токмакского чрезвычайного съезда биев, в котором говорится, что «дела бывают двойные: одни, когда есть истец, а другие — когда истца нет, а преступление совершено и известно всему обществу, которое от этого страдает. Дела последнего разряда следующие: вор, испугавшись суда, помирился с истцом и истец от иска отказался; сильный учинил самоуправство над слабым и последний из боязни новых притеснений молчит. Есть люди, которые из своих видов возбуждают народ к ссорам и дракам, затем, за неимением истца, клеветники, ложные доноскики, ложные свидетели остаются безнаказанными. Все эти преступления, хотя и не будет истца, считать подлежащими наказанию по заявлению должностных лиц о совершенном преступлении»¹⁶¹.

Вопрос об ответственности соучастников преступления и лиц, причастных к преступлению, рассматривается в целом ряде ереже.

По уголовному обычному праву киргизов укрыватели преступлений и преступников, а также вещей, добытых преступ-

¹⁶⁰ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 82, об.

¹⁶¹ Там же, л. 70, об. и 71.

ным путем, привлекались к уголовной ответственности наравне с исполнителями. Лицо, давшее приют вору, привлекалось к ответственности наравне с преступником, а тот, кто не выдал вора, и свидетели, которые видели преступника, но дали ложные показания, считались соучастниками. «Бии вправе приговаривать виновных по вышеозначенным преступлениям к штрафам на общественные нужды и к тюремному заключению»¹⁶². «Укрыватели преступлений и проступков или вещей, добытых преступлением, привлекаются к ответственности наравне с самим преступником»¹⁶³. Г. Загряжский отмечал: «Участники, попустители и укрыватели наказываются наравне с совершившими преступление»¹⁶⁴. О равной ответственности участников преступления говорится и в других литературных источниках: «Все так или иначе причастные к преступлению, отвечают вместе, платят один и тот же айып или кун по частям»¹⁶⁵.

Следует отметить, что по уголовному обычному праву киргизов за совершение группового преступления ответственность повышалась. Например, Кожабай Калымбеков из Таласской долины обвинялся в краже трех лошадей, и суд биев по этому делу постановил: «Взыскать с Калымбекова в пользу истца Хайдарбекова 1 лошадь 5 лет, 1 кунан и 1 кобылу, в расходе 36 руб. и арестовать Калымбекова при полиции на 1 месяц»¹⁶⁶. В то же время с Дж. Чоконова и Я. Акашина за кражу ими двух лошадей взыскано по суду 9 лошадей¹⁶⁷.

Лица, виновные в попустительстве при недонесении о замышлявшемся преступлении, в большинстве случаев не привлекались к уголовной ответственности за исключением особых случаев. Например, Г. Загряжский по этому поводу писал: «Прикосновенные лица подвергаются одному лишь строгому выговору, если только эти лица не являются родственниками преступника»¹⁶⁸.

Киргизское население по ереже чрезвычайного съезда биев в конце XIX и начале XX вв. привлекалось к ответственности: а) за преступления против жизни, здоровья и достоинства

¹⁶² ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. I, д. 400, л. 71.

¹⁶³ Н. И. Гродеков. Указ. работа, стр. 145.

¹⁶⁴ Г. Загряжский. Юридический обычай киргизов. Ежегодник, вып. IV, СПб., I, 1876, стр. 166.

¹⁶⁵ Материалы по изучению юридических обычаев киргизов. Омск, 1886, стр. 66.

¹⁶⁶ ЦГА Казах. ССР, ф. 433, оп. I, д. 22, л. 6—7.

¹⁶⁷ ЦГА Казах. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 320, л. 5.

¹⁶⁸ Г. Загряжский. Юридический обычай киргизов. Ежегодник, вып. II, СПб., 1867, стр. 166.

личности (убийство, нанесение увечья, кража женщин и ложное распространение злонамеренных слухов);

б) за преступления против собственности (кража, грабеж, поджог и истребление чужого имущества, потравы и барымта)¹⁶⁹.

До вхождения Киргизии в состав России уголовное обычное право киргизов допускало кровную месть — «кровь за кровь» («канга-кан»), но в большинстве случаев родственники убитого получали за него кун¹⁷⁰. Кун в зависимости от принадлежности убитого к «белой» или «черной» кости и имущественного состояния назначался по-разному. Например, крупный манап племени сарыбагыш Уметалы (начало второй половины XIX в.) за убитого брата потребовал взыскать с убийц очень большой кун — 6 рабов, 5 верблюдов и 17 лошадей¹⁷¹.

В 1854 г. во время междоусобной войны между племенами сарыбагышей и бугу, когда сын Боромбая — родоначальника племени бугу, убил копьем сарыбагышского манапа и батыра Ормон-хана, бугунцам было предложено уплатить за Ормона огромный кун — 100 девушек на конях в полном убранстве¹⁷².

В работе Ч. Ч. Валиханова «Записки о киргизах» и в ереже чрезвычайных съездов биев указывается, что размер куна у киргизов колеблется от 100¹⁷³ до 300 гол. лошадей¹⁷⁴.

В одном документе на имя губернатора Семиреченской области, указывается, что киргиз Багышевской волости Токмакского уезда Семетей Сагинов «во время бытности уездным начальником Пущина (примерно в 1867—1868 гг.) когда царское правительство только начало вводить в Северной Киргизии новое административное деление (на айлы и во-

¹⁶⁹ Некоторые из видов преступлений, указанных в ереже чрезвычайного съезда биев, явились для киргизов нововведенными после вхождения Киргизии в состав России. К ним относились: некоторые виды самоуправства, отказ в приюте и непринятие гостя, бузоварение, подлог киргизских документов, должностные преступления.

¹⁷⁰ Кун — выкуп за убитого, выплачиваемый скотом, деньгами, девушками, рабами и т. д.

¹⁷¹ А. Талызин. Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855—1868). Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 г. Верный, 1898, стр. 28.

¹⁷² Калым за девушку также назначался в зависимости от влияния родственника. Например, крупный сарабагышский манап Джантай уплатил калым за жену своего сына Шабдана 45 рабов. (А. Талызин. Указ. работа, стр. 29).

¹⁷³ Ч. Ч. Валиханов. Записки о киргизах. Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 373.

¹⁷⁴ В ереже чрезвычайного съезда биев пригородных 11 волостей Пржевальского уезда 1908 г. указывается: «Присудить за убийство мужского пола 300 голов скота во главе 1 верблюда и деньгами 300 руб». (ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. I, д. 400, л. 59).

лости) свою дочь по имени Мыскал выдал замуж за проживающего в его же волости Кайымбая Солтина, которая после была убита мужем и за нее отцу было выплачено всего лишь 25 голов крупного рогатого скота и один верблюд. Отец девушки, считая, что это количество скота за кун недостаточно жалуется военному губернатору Семиреченской области, чтобы дополнить...»¹⁷⁵.

Различные размеры куна в прошлом дают основание предполагать, что до вхождения в состав России в Киргизии кун взыскивался в зависимости от того, к какому сословию относились истец и ответчик. После вхождения в состав России (во избежание разногласий между биями в отношении определения стоимости того или другого куна) по указанию царской администрации по всей Киргизии, видимо, была установлена средняя стоимость куна в размере 300 лошадей¹⁷⁶. Такой размер куна был установлен во всех ереже чрезвычайных съездов киргизских биев второй половины XIX и начала XX вв. Например, полный мужской кун, по ереже токмакского чрезвычайного съезда биев 1893 г., устанавливался в следующем исце: «260 лошадей, 1 верблюд, 100 баранов и по выбору истца — скакун от волости, а также бийлик — по обычаю»¹⁷⁷. Почти такой же кун был установлен ереже Пржевальского, Ат-Башинского съездов, ереже биев Горного участка Аулие-Атинского (Таласская долина) уезда и других чрезвычайных съездов биев.

Одним из прогрессивных последствий вхождения Киргизии в состав России явилось запрещение кровной мести, ранее допускавшейся уголовным обычным правом киргизов. В ереже токмакского чрезвычайного съезда биев 1893 г. говорится, что «родственники убитого не имеют права произвольно мстить убийце и его роду, а должны довольствоваться отдачей убийцы под суд и получением куна»¹⁷⁸.

Справедливость иска по мужским кунам должны были удостоверить четыре почетных лица из волости истца, а по женским — два лица по назначению бия. Если против обвиняемого в убийстве не было явных улик или не было обвинителей, и подозреваемый не сознавался в своей виновности, тогда по выбору истца назначалась очистительная присяга почетнейших лиц волости ответчика.

¹⁷⁵ ЦГА Казах. ССР. ф. 44, оп. I, д. 383, л. 459—460.

¹⁷⁶ Является ли оплата в 300 голов для того времени средней или высшей стоимостью куна, покажет дальнейшее изучение.

¹⁷⁷ Ереже токмакского чрезвычайного съезда биев. Верный, 1893, § 70.

¹⁷⁸ Там же, § 67.

Не полагался кун за сумасшедших, а также за воров или грабителей, убитых во время совершения ими преступления. Однако, если четыре почетных лица удостоверяли, что человек, известный всем как вор, убит не при грабеже или воровстве, дело о куне решалось в обычном порядке.]

Убийство случайное или по неосторожности куном не наказывалось, но если убивший добровольно не жертвовал средства на похороны, то по решению биев с него взыскивали айып — 50 лошадей и одного верблюда¹⁷⁹.

По уголовному обычному праву киргизов кун и айып не взыскивались в следующих случаях:

а) если всадник убится во время скачек (на байге)¹⁸⁰;

б) если кто-либо умер, находясь на работе у посторонних лиц. Например, погиб во время обвала, утонул, переправляясь через реку и т. п.;

в) если у женщины произошел выкидыш, а на теле отсутствуют признаки истязаний¹⁸¹.

Если женщина, убежав от мужа, утопилась или отравилась, кун не выплачивался, не полагался он и за убийство или самоубийство, если было доказано, что этой смертью хотели отомстить кому-либо или обогатить своих наследников, полагая, что им выплатят кун. Подстрекатели в таких случаях предавались имперскому суду.

Киргизское уголовное обычное право имело свою определенную систему наказаний за членовредительство и увечья. Так, например, в ереже токмакского чрезвычайного съезда биев 1893 г. указывается, что «за увечье двух ног, двух рук, двух глаз настолько, что руки или ноги не действуют, а глаза не видят, назначать по полному куну за каждую пару, а за увечье одного из упомянутых членов или детородного члена назначать полкуна. За каждое ухо взыскивать айып с одним верблюдом 25 лошадей. За один зуб — 9 голов скота без верблюда, за порчу бороды — от одной лошади и халата до 9 голов скота с одним верблюдом. По искам о нанесении ран ножом взыскивать от одной лошади и халата до 15 голов скота с одним верблюдом. По искам о разбитии головы или лица приговаривать девять голов скота без верблюда. Если на шее пострадавшего окажутся следы привязывания его за шею веревкой, за это взыскивать лошадь и халат»¹⁸². Кроме указан-

¹⁷⁹ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. I, д. 400, л. 82, об.

¹⁸⁰ Байга — это ценный приз, поставленный организатором тоя — пиршества и аша — поминок, для выдачи победившим в скачках, на козлодраниях, в борьбе, на беггах и многих других киргизских национальных играх.

¹⁸¹ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. I, д. 400, л. 82, об.

¹⁸² Ереже токмакского съезда биев. Верный., 1893, § 78.

ных выше айыпов и кунов за членовредительство, народные судьи могли приговаривать виновных к тюремному заключению, смотря по степени вины, до одного года шести месяцев.

Виновные обязаны были платить кун тому айлу, который отвечал за убитого при его жизни. Из присужденного куна за убитую женщину две трети назначались мужу, а одна треть — ее родственникам¹⁸³. Если жену убил муж, то он платил полный кун ее родственникам, если жена убила мужа, то кун взыскивался с ее родственников¹⁸⁴.

Кун должны были выплачивать в первую очередь ближайšie родственники убийцы, затем родственники его айла, волости, а если и этого было недостаточно, то взыскиваемая сумма распределялась сначала на весь айл, а потом на всю волость.

Если же родственники отказались от убившего до совершения им преступления, и он проживал в другой волости или только находился там под чьим-либо покровительством, взыскание куна производилось с этой волости, причем сначала кун платили покровители убийцы, затем их родственники, а далее — айл и волость¹⁸⁵.

До Октябрьской революции женщина в Киргизии считалась принадлежностью мужчины, вещью «владельца»¹⁸⁶. Ее можно было купить, продать, обменять. Так, в газете «Пишпекский листок» 11 июля 1919 г. была помещена статья, в ней отмечалось: «Киргизская женщина как будто не человек, равноправный с мужчиной, а какой-то «живой товар», которым владелец, т. е. муж ее, может располагать по своему усмотрению.

— Уступи мне твою жену, — обращается богатый к бедному, — она мне нравится.

— Изволь, — отвечает бедняк, — за 1000 рублей уступлю.

¹⁸³ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. I, д. 400, л. 84.

¹⁸⁴ До введения в действие Положения 1891 г. дело об убийстве у киргизов рассматривалось судом биев, и кун взыскивался также ими по обычаю, а после, т. е. с октября 1893 г., убийство стало подсудно мировым и областным судам царской России, при этом кун взыскивался биями только в том случае, когда убийство было доказано имперским судом.

¹⁸⁵ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. I, д. 400, л. 84, об.

¹⁸⁶ Муж, если жена убежала от него к другому мужчине, имел право потребовать от ее второго мужа штраф и часть или полностью калым, уплаченный ее родственникам. Если первый муж хотел получить обратно свою жену, в этих случаях похититель платил только штраф в зависимости от установленной расценки или сословия потерпевшего. Например, по ереже чрезвычайного съезда биев от 9 волостей Ат-Башинского участка Пржевальского уезда 1905 г. указывается, что «за похищение замужней женщины виновный платит «айып» потерпевшему в размере 30 голов скота (начиная с верблюда) и кроме этого, уплачивает ее мужу отданный за нее калым» (ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. I, д. 400, л. 33).

— Нет, это дорого..., хочешь 800 руб.?

— Ну, ладно.

И сделка окончена, купля—продажа живого товара совершена»¹⁸⁷.

Пережитки прошлого, в частности продажа женщины за калым, в условиях Киргизии иногда встречаются и сейчас. С этим злом нам необходимо вести постоянную и решительную борьбу.

Обычное право киргизов в интересах богатой верхушки узаконивало чудовищные сделки. Например, в ереже чрезвычайного съезда биев пригородных 11 волостей Пржевальского уезда от 5 мая 1907 г. указывается: «За увоз замужней женщины — присудить возратить её, и кроме оногo, взыскать с похитителя 60 голов скота; За похищение просватанной девицы — 100 гол. скота и деньгами 100 руб. истец может взыскать с отца похищенной девицы или же с похитителя»¹⁸⁸.

Дальше в этом же ереже читаем: «За похищенную у почетного лица не просватанную девицу взыскивается 40 голов скота во главе 1 верблюда, за похищенную девицу у киргиза среднего сословия — 20 голов скота во главе 1 верблюда, за похищение таковой же у низшего сословия не просватанную — 15 голов скота.

Если кто-либо увезет свою невесту у почетного лица — айып 20 голов скота во главе 1 верблюда, у среднего сословия — 10 голов скота во главе 1 верблюда и у низшего сословия — 5 голов скота во главе 1 верблюда»¹⁸⁹. По ереже чрезвычайных съездов биев за оскорбление чести и человеческого достоинства виновные несли уголовную ответственность. На самом же деле почетные и богатые киргизы за такие действия, как правило, не отвечали, а если и наказывались, то незначительно.

За словесную обиду, нанесенную почетным лицом другому влиятельному лицу, обидчик по решению суда должен был публично извиниться. За обиду, нанесенную младшим по годам старшему, кроме извинения перед последним, с виновного взыскивалась еще лошадь и халат. Если оскорбленным оказывалось почетное лицо, а виновным — простой киргиз, то обидчик платил айып (две лошади и два халата). Если же обиженное почетное лицо отказывалось от такого айыпа, то виновный подлежал аресту (на срок от двух недель) или подвергался денежному штрафу (в размере 25 руб.).

¹⁸⁷ «Пишпекский листок», № 31, 11 июля 1919 г.

¹⁸⁸ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. I, д. 400, л. 56.

¹⁸⁹ Там же.

За словесное оскорбление должностных лиц виновные приговаривались к айыпу (от одной лошади и халата до двух лошадей и одного верблюда) или тюремному заключению до одного месяца.

За обиду лиц из бедного сословия с обидчика взыскивался один халат в пользу бедного.

По обычному праву киргизов оскорблением личности считались и те случаи, когда обидчик из мести отрезал хвост животному, принадлежащему другому лицу. Так, в ереже чрезвычайного съезда биев Аулие-Атинского уезда от 15 марта 1908 г. указывается: «За отрез хвоста у животного с виновного присуждается сверх наказания и стоимость животного»¹⁹⁰. Любопытен в этом отношении следующий пример: в апреле 1898 г. у Акырбакова, который пожаловался в суд биев, некий А. Байназаров украл двух жеребых кобыл и отрезал хвосты у 50 лошадей. Суд постановил: «Взыскать с ответчика в пользу истца 2 кобылы с жеребятами; за расход—24 руб., за хвосты—10 руб. Кроме того, за кражу приговорить к тюремному заключению на 3 месяца»¹⁹¹.

Следует отметить, что оскорблением чести и достоинства у киргизов считалось и отрезание рукавов и задней части чапана (пальто). У киргизов до сих пор существует такое выражение: «Этек женинди кесип, айдап жиберем!» («Прогоню тебя, отрезав рукав и хвост»).

В 1872 г. токмакский уездный начальник, чтобы арестовать одного из бывших биев Термибулатовской волости — Карамышова Бекана, послал к нему нескольких биев из маналов и 2—3 русских казака. Сторонники Карамышова их избили и отрезали «у русского казака Козлова рукав и заднюю часть пальто»¹⁹².

За словесное оскорбление женщин назначались те же айыпы, что и за обиду мужчин.

За нанесение легких побоев должностным лицам (старшинам, бням, волостным управителям) не подчиненными им лицами с виновных взыскивался айып; если побои были нанесены подчиненными лицами, то последние приговаривались к тюремному заключению от двух до шести месяцев.

За нанесение побоев друг другу лицами из простых сословий виновные также наказывались айыпом. Например, в марте 1892 г. «житель Тынаевской волости (Пишпекского уезда) Кочербай Казыбеков принес жалобу на киргиза той же волос-

¹⁹⁰ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 93, об.

¹⁹¹ ЦГА Казах. ССР, ф. 433, оп. 1, д. 10, л. 16—17.

¹⁹² Там же, ф. 44, оп. 2, д. 146, л. 8.

ти Такбана Байчорина, что сей последний нанес ему побои, когда он следовал по своим делам»¹⁹³. По этому делу с обвиняемого взыскан айып: 1 мерин, 1 пятилетняя лошадь и 1 кулан (трехлетний жеребенок)¹⁹⁴.

За всякую обиду, нанесенную родителям и старшим родственникам, виновные подвергались наказанию по усмотрению обиженных родственников в пределах прав, предоставленных народными судьями по закону¹⁹⁵.

За ложное распространение злонамеренных слухов виновному давали прозвище «лжеи».

За ссоры на тое и аше обидчики подвергались штрафу (обычно лошадь и халат) в пользу хозяина.

По уголовному праву киргизов, если виновное лицо было замечено в преступлении впервые и было невооруженным, а кража незначительной, то наказание смягчалось; при повторной же краже вор наказывался строже. Если в момент задержания преступник оказывал сопротивление, наказание усиливалось, при этом за нанесенные при сопротивлении раны наказание назначалось отдельно. Заподозренные в краже лица могли быть оправданы (если давали присягу) или обвинены (если отказывались от нее). Например, А. Аркунбаев, проживающий в одном из айлов Ур-Маральской волости (Таласская долина Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области) подал жалобу на У. Медерова и С. Нуркина, подозреваемых в краже его коров. Потерпевший и обвиняемые договорились о том, чтобы их дело разобрал суд посредников. Истец избрал себе двух, а ответчики четырех посредников. Рассмотрев дело, суд вынес решение: «Избранные посредники, тщательно разобрав дело, из среды 30 юртовладельцев с отводом 3-х враждебных¹⁹⁷; из остальных 27 юртовладельцев для оправдания ответчика назначен присяжным Мураталы Баитанов и в назначенный день присяжный не принял присягу, а потому избранные бии постановили: взыскать с ответчиков в пользу ист-

¹⁹³ ЦГА Казах. ССР, ф. 44, оп. 2, л. 343, л. 47.

¹⁹⁴ Там же, л. 47, об.

¹⁹⁵ По киргизскому обычному праву киргизы, виновные перед своими родственниками и родными, обычно подвергались телесным наказаниям.

¹⁹⁷ Вообще в суде биев при принятии присяги в интересах ответчика или истца сторонами отводились те враждебные или близкие к ним люди, которые в случае дачи ими оправдательной или обвинительной присяги могли бы поступить против истины. Эти положения закреплялись в законном порядке даже в ереже чрезвычайного съезда биев: «По искам свыце ста голов скота до суммы мужского полкуна присягу назначать на двоих должностных лиц волости с правом отвода двенадцати человек» (ереже токмакского чрезвычайного съезда биев, Верный, 1893, стр. 15).

ца 9 коров, 9 тиллей¹⁹⁸ и на один месяц при полиции¹⁹⁹, в чем бии приложили печати»²⁰⁰.

Мера наказания за кражи, как указано выше, зависела, во-первых, от того, сколько раз совершалось преступление данным лицом; во-вторых, совершалось ли оно одним лицом или группой и, в-третьих—от ценности похищенного имущества. Так, например, за кражу (впервые) одного большого барана, жеребенка или теленка с виновного взыскивали тройную стоимость похищенного и убытки, понесенные в ходе тяжбы; кроме этого, в пользу суда взыскивался так называемый «бийлик». За кражу одного крупного животного взыскивалась его стоимость в тройном размере²⁰¹, убытки, а также бийлик и айып (одна пятилетняя лошадь) на общественные нужды²⁰².

За хищение скота (до пяти голов) или повторную кражу (хотя бы одного животного) виновные приговаривались к тюремному заключению на срок до шести месяцев. Кроме того, в пользу потерпевшего взыскивалась тройная²⁰³ стоимость похищенного, в том числе убытки, бийлик, айып — по две головы скота, из них одну передавали на общественные нужды.

За кражу более десяти голов скота или при уличении вора в краже более трех раз бии могли приговаривать виновного и его укрывателей к тюремному заключению на один или полтора года и к уплате за каждую голову по девяти голов скота²⁰⁴. Половина присужденного скота при этом взыскивалась в поль-

¹⁹⁸ Тилле — золотые монеты, находившиеся в обращении в дореволюционной Средней Азии, особенно в Кокандском и Хивинском ханствах, а также в Бухарском эмирате.

¹⁹⁹ Слова «на один месяц при полиции» означают: осужденные по решению суда биев использовались полицией на различных физических работах.

²⁰⁰ ЦГА Казах. ССР, ф. 433, оп. I, д. 45, л. 5.

²⁰¹ Судебные издержки потерпевшего: плата писарю, расход на «суюнчи», расход, связанный с наемом джигитов и т. д.

²⁰² Такой скот волостной управитель продавал на рынке, а вырученную сумму передавал уездному начальнику. Уездный начальник одну часть оставлял для разных нужд уездного управления, а другую расходовал на постройку дорог, мостов, тюрем.

²⁰³ С. О. Багызыева и Б. Тугельбаева (Тонская волость), укравших 1 лошадь и 1 быка, по решению биев было взыскано в пользу истца Б. Кулова «10 лошадей и 10 быков» (ЦГА Казах. ССР, ф. 44, оп. 2, л. 2, об.).

Здесь взыскано более чем в 3-кратном размере. Видимо, для этого были у биев и другие основания: ценность украденных лошадей и быка, повторность или соучастие обвиняемых в совершении преступления и т. д.

²⁰⁴ Нам известно три вида «тогуза» (девятки): «баш», «орто» и «аяк», или «кичи», т. е. большой, средней и малой девятки. Оплата «баш тогуз» начиналась с верблюда, «орто» — с лошади, «аяк» — с крупного рогатого скота и должна была кончиться телятами, баранами, ягнятами и т. д.

зу потерпевшего, вторая половина — в пользу суда биев и на общественные нужды.

В ереже токмакского чрезвычайного съезда биев 1893 г. говорится: «Если вор не имеет скота, приговоренного к уплате сколько требуется, то за него платят родственники сначала аула, а потом волости; при несостоятельности же последних, взыскание налагается на его десяток, затем на пятидесяток и на аул. Если вор живет не у родственников и в чужой волости и если родственники заявили, что они отказываются от него и его наследства, а в случае убийства его — от куна, тогда за несостоятельностью вора платит волость и то общество, где вор проживал во время кражи, то же общество очищает его и присягою. Но если будет доказано, что в чужой волости помогали в краже, тогда взыскание прямо обращается на вора и помогавшего, а родственники вора и волость, где он причислен, от ответственности освобождается»²⁰⁵.

Как указано выше, соучастники, по уголовному обычному праву киргизов, несли ответственность наравне с преступниками. Свидетели, которые скрывали на суде совершенную кражу, в зависимости от значимости преступного деяния, приговаривались к айыпу — от одного халата до одного тогуза, начиная с верблюда²⁰⁶.

А в ереже чрезвычайных съездов биев пригородных 11 волостей Пржевальского уезда 5 мая 1907 г. в отношении ответственности свидетелей говорится: «Свидетель за ложное показание наказывается как за кражу»²⁰⁷.

В случае, если свидетель взял суюнчи²⁰⁸ с целью уличения вора и не смог сделать этого, то все, что он получил ранее, с него взыскивалось в трехкратном размере.

Если вор был задержан с поличным, то его лошадь и оружие переходили в собственность поимщика, а отнятый скот сдавался волостному управителю под расписку. Управитель имел особую книгу регистрации взятого у воров, а также заблудившегося скота²⁰⁹. Хозяин пропавшего скота, чтобы получить его, должен был представить тамгу (клеймо), указать приметы, время пропажи скота, его возраст и др.

За кражу вещей и прочего имущества применяли наказа-

²⁰⁵ Ереже токмакского чрезвычайного съезда биев. Верный, 1893, § 51.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. I, д. 400, л. 56, об.

²⁰⁸ Суюнчи — получение подарка за сообщение хороших известий.

²⁰⁹ Газ. «Семиреченские областные ведомости». № 20, 15 мая 1893 г., стр. 149.

ние, аналогичное наказанию за кражу скота, причем стоимость вещей оценивалась единицей скота²¹⁰.

Если кража совершалась в период работы чрезвычайного съезда биев, то воры приговаривались, независимо от того, привлекались ли они ранее к уголовной ответственности или нет, к тюремному заключению сроком до одного года шести месяцев и к уплате за каждую украденную голову по девяти голов скота, начиная с верблюда²¹¹.

За грабеж с насилием, как указано выше, виновные отвечали по общим законам Империи. Если по имперскому суду грабеж был доказан²¹², потерпевший или его родственники имели право взыскать стоимость отнятого через «народные» суды биев.

Виновные в поджоге или в другом умышленном истреблении чужого имущества подвергались наказанию по законам Империи согласно Положению об управлении Степными областями, а суды биев решали в этом случае только вопрос о возмещении причиненного ущерба.

За потраву с виновного в пользу потерпевшего взыскивалась стоимость потравленного и расходы, связанные с ведением дела.

В ереже чрезвычайного съезда биев пригородных 11 волостей Пржевальского уезда 5 октября 1908 г. указывается: «Если кто-нибудь по случаю джута (голодовки) может перегонять свой скот к другому, то последний должен разрешить пастьбу, и если учинит до 10 октября потраву хлеба, то должен за убытки заплатить, а если потраву учинит после 10 октября, то за потраву взыскивать не имеют права²¹³. За порчу зимнего стойбища — отвечать как за кражу»²¹⁴.

²¹⁰ Например, если украдено седло, то оно оценивалось по его достоинству в один, пять, десять и более голов овец.

²¹¹ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 79.

²¹² Например, в письме Семиреченского областного суда на имя Семиреченского областного управления от 29 апреля 1895 г. указывается: «Приговором Семиреченского областного суда, состоявшегося 25 апреля с/г по делу о киргизах Саяковской волости Белеке Бердыходжине, Каратае Джакыпове и Садыре Артекове, обвиняемых в преступлении, предусмотренном 1642 ст. Положения о наказаниях определено: содержащихся в Пишпекском тюремном замке киргизов Пишпекского уезда, Саяковской волости Белека Бердыходжина, Каратая Джакыпова и Садыра Артекова признать виновными в открытом похищении (грабеже) с насилием у киргиза Сарыбагышевской волости Буканбая Адычинова лошади, седла и одежды» (ЦГА Казах. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 707, л. 1).

²¹³ Военный губернатор Семиреченской области по ходатайству Пржевальских и Пишпекских уездных начальников из-за недостаточности пастбищных угодий устанавливал крестьянам сроки уборки хлеба до 10 октября.

²¹⁴ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 59, об.

В делах о барымте виновными признавались те айлы или волости, которые первыми совершили хотя бы незначительную кражу или нанесли какую-либо обиду и, если при этом виновная сторона отказала пострадавшему в возмещении ущерба. В этих случаях при решении дела о последствии барымты обидчику (айлу, роду, волости) отказывали в удовлетворении его законных претензий, за исключением исков по кунам. Если же причины барымты выявить было трудно, то производились взаимные расчеты, как указано выше, по известным искам и кунам и наказывали с каждой стороны главных вожаков²¹⁵ и виновников: их имущество по решению суда передавалось в первую очередь непосредственно потерпевшим, а затем — невинно вовлеченным в барымту лицам из других родов и волостей. Невьясненные спорные дела до открытия токмакского чрезвычайного съезда биев²¹⁶ предавались салавату²¹⁷.

За самоуправство виновный приговаривался в зависимости от степени вины к тюремному заключению до трех месяцев или денежному штрафу до 300 руб., который шел на строительство тюрьмы. Если потерпевшему был причинен материальный ущерб, то по просьбе истца суд выносил решение, обязывающее ответчика возместить убытки²¹⁸. По ереже чрезвычайных съездов биев пригородных 11 волостей Пржевальского уезда от 5 мая 1907 г. за такие действия отдельные лица или группы лиц привлекались к уголовной ответственности как за кражу²¹⁹. Если случайные нежелательные для царизма группировки стремились провести своих главарей на общественные должности айльных старшин, волостных управителей и биев, то помимо привлечения этих главарей к уголовной ответственности по общим законам империи, «народные» суды взыскивали с них все убытки в пользу потерпевших и, кроме этого, всему народу объявлялось, что они по приговору суда лишаются почетных званий. Введением такого законоположения царские власти пытались оградить важные для них должности от неугодных, нежелательных людей.

²¹⁵ Фактически наказывались не все вожаки, а только те, которые не были избраны в органы местной власти и не были опорой самодержавия.

²¹⁶ По указанию царских чиновников Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей все спорные дела между киргизами и соседними народами должны были закончиться до вступления в законную силу Положения 1891 г. Поэтому всякие непредьявленные иски и обвинения до и во время токмакского съезда подлежали прекращению.

²¹⁷ Слово «салават» означает «простить», «прощение», т. е. спор по данному вопросу возобновляться или возбуждаться больше не будет.

²¹⁸ Ереже токмакского чрезвычайного съезда биев. Верный, 1893, § 61.

²¹⁹ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 56, об.

Каждый родо-племенной начальник по поддерживаемым обычаям считал нетерпимым, чтобы кто-то подъезжал верхом к нему, к его дому или к тому собранию, где он обычно председательствовал²²⁰. Эта традиция привилегированных классов — киргизских феодалов, после вхождения в состав России поддерживалась и поощрялась волостными управителями, айльными старшинами и другими влиятельными лицами — биями, баями и аткаминерами. Например, в § 40 ереже чрезвычайного съезда биев пригородных 11 волостей Пржевальского уезда (1907 г.) указывается, что «если где-нибудь будет совещание начальствующих лиц и почетных киргизов и кто-нибудь подъедет к ним верхом, то у него отберут лошадь»²²¹. Хотя здесь неопределенно говорится «кто-нибудь подъедет», однако фактически это относилось только к лицам немущих классов. Такой обычай вполне устраивал царских чиновников²²². Следует отметить хороший обычай киргизов, сохранившийся до сих пор, — гостеприимство. В ереже чрезвычайных съездов биев имеются пункты, по которым полагалось взыскивать айып за негостеприимство. Например, в ереже чрезвычайного съезда биев пригородных 11 волостей Пржевальского уезда (1908 г.) в § 32 отмечается: «За непринятие гостя взыскивать 30 руб.»²²³, а по ереже, составленном на чрезвычайном съезде биев Аулие-Атинского уезда, в § 10 говорится, что «все те, кто откажет кому бы то ни было в приюте и гостеприимстве, то за сие присуждается к уплате 8 руб. и одной лошади»²²⁴.

Надо сказать, однако, что царские чиновники и местные должностные лица часто злоупотребляли добротой киргизского народа²²⁵.

Интересно отметить, что было узаконено привлечение к уголовной ответственности за бузоварение²²⁶. Видимо, это было продиктовано интересами владельцев предприятий по производству спиртных напитков, а также государственной монопо-

²²⁰ Следует отметить, что по обычаю киргизов до вхождения Киргизии в состав России и долгое время после этого, только с равным по сословию можно было поздороваться и подъехать к его дому верхом.

²²¹ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 57.

²²² Всякое ереже чрезвычайных съездов, составленное биями, рассматривалось специально командированными царскими чиновниками и уездными начальниками. Раз эти вредные обычаи вошли в ереже, то следует сделать вывод, что и царским чиновникам был по душе такой недемократичный обычай.

²²³ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 60.

²²⁴ Там же, л. 96.

²²⁵ По изученным нами архивным материалам, не встречается решений биев по случаю негостеприимства.

²²⁶ Буза является киргизским национальным хмельным напитком. Она делается только из зерна.

лий на водку в царской России. Царское правительство, а на местах военные губернаторы областей и уездные начальники стремились запретить киргизам изготовлять и пить бузу с тем, чтобы они покупали спиртные напитки. В ереже чрезвычайного съезда биев пригородных 11 волостей Пржевальского уезда в § 35 отмечается, что «если кто-либо будет варить бузу, оштрафовывать на 9 голов скота и подвергать тюремному заключению от 1 до 18 месяцев»²²⁷.

По ереже чрезвычайного съезда биев 1893 г. злостными преступлениями считались:

а) подделка расписок (виновные приговаривались к уплате того количества скота, имущества и денег, какое значилось в расписке, и айыпа на общественные нужды);

б) подлог приказов айльных старшин, волостных управителей и решений биев лицами, не состоящими на государственной службе (виновные приговаривались к уплате убытков, если причинен вред, и тюремному заключению от одного месяца до одного года шести месяцев);

в) подделка документов (виновные приговаривались к аресту от двух недель до одного месяца)²²⁸.

Должностных лиц, причастных к таким делам, судили по имперским законам.

Местные должностные лица — волостные управители, бии и айльные старшины привлекались к уголовной ответственности по законам империи за кражу, злоупотребление служебным положением и т. д. Например, по приказу военного губернатора Семиреченской области № 123 от 15 июля 1889 г. указывается: что «бий № 1 аула Багышевской волости Токмакского уезда Джаур Канаев как приговоренный токмакским уездным судом к шестимесячному тюремному заключению за кражу лошади отстраняется от должности»²²⁹ и т. д.

«Все и всякие угнетающие классы, — писал В. И. Ленин, — нуждаются в охране своего господства...»²³⁰. Наказания в эксплуататорских государствах применяются господствующим классом для обуздания своих классовых противников. Поэтому назначение и выполнение наказаний является одной из основных функций любого типа эксплуататорского государства. Так и в киргизском феодальном обществе с существенными остатками патриархально-родового быта наказание обеспечивало охрану экономических и политических интересов

²²⁷ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 57.

²²⁸ Там же, л. 80, об. 81.

²²⁹ «Семиреченская областная ведомость», № 28, стр. 139, 15 июля, 1889 г.

²³⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 259.

киргизских феодалов-манапов, баев и биев и других представителей класса угнетателей. В процессе развития киргизской феодальной государственности местная и царская власть вырабатывали определенные виды наказания в своих интересах.

По обычному праву киргизов в условиях слабого развития феодальной государственности в качестве меры наказания применялось прежде всего возмещение материального ущерба²³¹. Система наказания в киргизском обычном праве тем самым резко отличалась от систем, принятых у оседлых народов Западной Европы/например, у северных и восточных германцев XVIII в., кодекс которых — «Саксонское зеркало» — в большинстве случаев не ограничивался требованием возмещения материальных убытков, штрафом и вергельдом²³², но и предусматривал смертную казнь (колесование, сожжение на костре, повешение, отсечение головы), вырывание языка, отсечение руки²³³ и т. д.

В то же время следует отметить, что наказания по обычному праву одного из германских племен — салических франков V—VI вв.—во многом напоминают наказания, которые применялись на основе ереже чрезвычайных съездов биев 90-х годов XIX в./Например, в правовых памятниках салических франков указывается: «Если кто украдет годовалое или двухгодовалое животное и будет уличен, присуждается к уплате 600 ден²³⁴, что составляет 15 сол²³⁵. Если кто украдет 12 животных и ни одного не останется в стаде, присуждается за кражу всего стада к уплате 2500 ден, что составляет 63 сол., не считая стоимости похищенного и возмещения убытков»²³⁶.

В памятниках права Киевского государства X—XII вв., как и в ереже чрезвычайных съездов киргизских биев XIX в., устанавливается размер оплаты за убийство, телесное повреждение, оскорбление, кражу и т. д. «Если (убитый) будет русин... и словенин, то положить за него 40 гривен»²³⁷. «Если же

²³¹ В ереже о телесных наказаниях (битье розгами) не упоминается, хотя телесное наказание в то время и существовало.

²³² Вергельд — это цена убитого или цена поврежденной части тела человека, соответственно с его происхождением и сословием. Например, в «Саксонском зеркале» указывается, что «каждый получает возмещение соответственно своему рождению, если он не был лишен этого права» («Саксонское зеркало». Хрестоматия памятников феодального государства и права. М., 1961, стр. 365).

²³³ Там же, стр. 351.

²³⁴ Ден — сокращенное слово «денарий». Ден представляет собой серебряную монету (1/40 часть солида).

²³⁵ Солид (сокращенно «сол») — золотая монета.

²³⁶ «Салическая правда». Хрестоматия памятников феодального государства и права. М., 1961, стр. 9.

²³⁷ Памятники русского права, вып. I. М., 1952, стр. 81.

кто-либо) ударит (мечом) по руке и отвалится рука или отохнет, то (платить) 40 гривен. Если человек пихнет человека от себя или к себе (то платить) 3 гривны...»²³⁸. «Если украдет овцу, козу или свинью, притом одну овцу украли 10 (человек), то пусть положат по 60 резан штраф (каждый)»²³⁹.

✓ Виды наказания в киргизском уголовном обычном праве по ереже чрезвычайных съездов биев в 90-х годах XIX и в начале XX вв. существенно изменились. После добровольного вхождения Киргизии в состав России усилились хозяйственные и политические взаимоотношения с русскими. Киргизский народ в результате тесного общения с великим русским народом под влиянием его передовой культуры стал сам постепенно осознавать вредность и нелепость многих киргизских обычаев. Так, самосуд над преступником, возмещение убытка путем барымты, покровительство членов родов своим сородичам, совершившим преступление и др., постепенно стали терять свою силу. Например, в постановлении Токмакского чрезвычайного съезда биев указывается: «В делах о барымте виновным признавать тот аул, волость или род, от которого возникло первое, хотя и незначительное воровство или иная обида, и который отказал обиженному в удовлетворении»²⁴⁰.

✓ В вышеуказанных ереже в основном содержатся следующие виды наказания: кун—выкуп, айып—штраф, арест и лишение свободы, лишение почетного звания, внушение²⁴¹.

✓ Кун в системе уголовного обычного права киргизов является одним из распространенных видов наказания. Смертная казнь или кровная мсть по согласию потерпевшего и обвиняемого могли быть заменены куном — платой за кровь. С момента договоренности между ними, или со дня приговора суда биев об уплате куна в пользу родственников убитого виновные или его родственники освобождались от мести и дальнейшего преследования. После вхождения Киргизии в состав России во всех ереже чрезвычайных съездов биев были уста-

²³⁸ Памятники русского права, вып. 1, М., 1952, стр. 81.

²³⁹ Там же, стр. 84.

²⁴⁰ ЦГИАЛ, СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 80.

²⁴¹ В изучаемый нами период в Киргизии очень часто убийц и профессиональных воров приговаривали к ссылке в Сибирь, в соседние области, Средней Азии и Казахстана. Например, в ноябре 1890 г. на Пишпекском чрезвычайном съезде биев по делу об убийстве Бардыгула, был вынесен приговор: «Сослать Сарикина (обвиняемый — С. К.) в Сибирь на вольное поселение на 3 года в какую-нибудь губернию по усмотрению начальства. В чем съездные бии в числе 14 человек приложили печать» (ЦГА Казах. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 271, л. 4).

новлены почти одинаковые размеры куна²⁴². При определении куна учитывалось социальное положение обеих сторон²⁴³.

Кун женщины, по преданию мусульманского права-шариата, всегда составлял половину мужского куна²⁴⁴. Кун за убийство беременной женщины, взыскивался вдвойне—за ее жизнь и жизнь ребенка в зависимости от продолжительности беременности²⁴⁵.

Осужденные лица в дальнейшем теряли право быть избранными на должностные посты местной власти.

Наказания в виде внушения применялись в тех случаях, когда обвиняемый за отсутствием свидетелей обвинения освобождался от айыпа. Но если некоторые судьи — бии — сомневались в невинности обвиняемого, то председательствующий делал ему внушение быть в дальнейшем добросовестным человеком и т. д.

Ито уголовному обычному праву киргизов перечисленные выше наказания на основе ереже чрезвычайного съезда биев в конце второй половины XIX и начале XX вв. являлись непосредственным орудием в руках господствующего класса — киргизских феодалов, помещиков и буржуазии, они охраняли экономические и политические интересы господствующего класса Киргизии.

Средняя стоимость скота устанавливалась на чрезвычайных съездах биев следующим образом: асый — верблюды четырех лет — оценивался в 28 руб., бышты — трехгодовалый — в 23 руб., кунан — двухгодовалый — в 18 руб., тай — годовалый — 13 руб.; лошадь в возрасте свыше одного года и до 5 лет — от 5 до 12 руб., крупный рогатый скот — от 3 до 9 руб. и баран — от 1 до 3 руб.²⁴⁶

Если до вхождения Киргизии в состав России куны, айыпы и бийлики распределялись между родопрародителями, влиятель-

²⁴² М. Феодоровский о размере куна у киргизов до вхождения Киргизии в состав России пишет: «За убийство богатого, пользующегося известностью человека, кун достигает 1000 тиллей (в то время одна тилле была равна 3 руб. 80 к.— С. К.).»

²⁴³ За убийство человека среднего по богатству кун достигает до 500 тиллей, за убийство бедного человека до 300 тиллей» (М. Феодоровский. Из Ферганской области. Юридические заметки. «Туркестанские ведомости», № 17, стр. 66, от 6 мая 1886 г.).

²⁴⁴ В ереже чрезвычайных съездов биев пригородных 11 волостей Пржевальского уезда от 5 мая 1907 года в § 1 указывается: «присудить за убийство мужского пола 300 голов скота во главе 1 верблюда и деньгам 300 руб.» ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 56.

²⁴⁵ ЦГИАЛ СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 400, л. 82.

²⁴⁶ Там же, л. 84. об. и 85.

ными людьми родов, айлов и потерпевшими, то после вхождения вознаграждение получал сначала потерпевший, затем общество, которое за него отвечало своим имуществом как перед государством, так и по частным искам.

Часть этих средств шла на выплату убытков, понесенных сородичами, и большая часть предназначалась на исправление дорог и мостов, на устройство юрт для войск, на содержание киргизской земской почты²⁴⁷.

✓ Следует отметить, что ереже таких чрезвычайных съездов биев, как токмакский, действительно регулировало споры между киргизами определенных местностей. Так, в заключительной части упомянутого ереже говорится: «Настоящие правила предписываются как всему народу уезда, так и народному суду настоящего чрезвычайного съезда, волостных съездов и единоличных биев Пишпекского (бывшего Токмакского.—С. К.) уезда впредь до издания нового постановления (ереже) или изменения настоящего, которое может последовать только на таком же чрезвычайном уездном съезде»²⁴⁸.

✓ Следует напомнить, что и после добровольного вхождения Киргизии в состав России во главе киргизских племен, родов и подродов стояли представители имущих классов — феодально-патриархальной верхушки. Эти влиятельные люди — мананы, датхи, беки, бай, би и другие аткаминеры после вхождения в состав России выступали в роли волостных управителей, биев и айльных старшин. ✓ Выполняя указания царских властей, они, с одной стороны, способствовали колонизаторской политике царизма, а с другой, — сами выступали как представители местного эксплуататорского класса.

Изданные царским правительством для всей Средней Азии, а в частности и для Киргизии, различные положения и ереже чрезвычайных съездов биев носили классовый и антинародный характер. Эти законы и правила служили орудием охраны интересов имущих классов, держали трудовой народ в темноте и невежестве.

Таким образом, даже краткое освещение норм уголовного обычного права киргизов показывает лживость и антинаучность утверждений буржуазных исследователей о надклассовом характере обычного права киргизов, о том, что оно в одинаковой степени служило интересам всех членов общества. Нормы уголовного обычного права киргизов свидетельствуют о том, что оно носило глубоко классовый характер, стояло на

²⁴⁷ Ереже токмакского чрезвычайного съезда биев. Верный, 1893, § 100.

²⁴⁸ Там же, § 103.

страже интересов господствующего класса и держало в подчинении трудящиеся массы киргизов.

Анализ уголовного обычного права киргизов лишний раз подтверждает правильность марксистско-ленинского учения об историческом характере и классовой природе права.

В заключение следует отметить, что царское правительство после добровольного вхождения Киргизии в состав России установило в Киргизии свой административно-управленческий аппарат, сохранив при этом социальную сущность суда биев и казиев. Оно внесло значительное изменение в уголовное обычное право киргизов и уголовный процесс, превратив его в свое послушное орудие.

Чтобы держать киргизский народ в темноте и невежестве, царизм активно культивировал такие пережитки дофеодальных отношений у киргизов, как кун, айып, калым и др., благодаря которым обогащались бии, казии и манапы.

Произвол и насилие биев, казиев, манапов и аткаминеров привели к усилению антифеодального и национально-освободительного движения киргизского народа. Это движение влилось в общую революционную борьбу русского пролетариата и способствовало победе Октябрьской социалистической революции.

ЛИТЕРАТУРА

Основоположники научного коммунизма

Энгельс Ф. Россия в Средней Азии. Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. XI, ч. I.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II.

Ленин В. И. Государство и революция. Соч., т. 25.

Ленин В. И. II Конгресс Коммунистического интернационала. Соч., т. 31.

Архивные источники

1. Ленинградский центральный государственный исторический архив СССР, ф. 1396, оп. I, д. № 1, 393, 400.
2. Центральный государственный архив Казахской ССР
фонд 3, оп. 1, д. 566;
фонд 4, оп. 1, д. 490, 2798;
фонд 25, оп. 1, д. 2979;
фонд 44, оп. 2, д. 383, 422, 1219, 1236;
фонд 64, оп. 1, д. 516, 967, 1922, 2016, 4918, 5121;
фонд 433, оп. 1, д. 45.
3. Центральный государственный архив Узбекской ССР
фонд 1, оп. 1, д. 4062;

- фонд I, оп. 27, д. 68;
фонд I, оп. 32, д. 278.
4. Центральный государственный архив Киргизской ССР. Фонды 20, 21, 28, 30, 33, 34, 81, 88, 91, 97, 125, 127, 128, 132, 134, 139 и т. д.

Рукописные фонды

1. Рукописные фонды Института философии и права Академии наук Казахской ССР. Инв. № 13, 19 и 21.
2. Рукописные фонды Отделения общественных наук Академии наук Киргизской ССР. Инв. № 141, 167, 1057, 1713, 1716, 1820, 2039, 3050, 5034 и 5071.

Периодическая печать

- «Киргизская степная газета», 1897—1901 гг.
«Туркестанские ведомости», 1870—1900 гг.
«Семиреченские областные ведомости», 1884—1917 гг.
«Пишпекский листок» за 1919 г.

Общая литература

- Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946.
- Алтымышбаев А. А. Некоторые особенности формирования и развития социалистической культуры народов Советского Востока. Фрунзе, 1958.
- Айтбаев М. Т. Социально-экономические отношения в Киргизском айле в XIX и начале XX веков. Фрунзе, 1962.
- Байбулатов Б. Б. Социально-экономический строй Киргизии до Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1958.
- Бардашев Г. Сведения о дикокаменных киргизах. «Туркестанские ведомости», 1870 г. 7 декабря.
- Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. I, Алма-Ата, 1961.
- Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.
- Всеподданнейший доклад Особого комитета по устройству Среднеазиатских областей по проекту положений об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. Ташкент, 1880.
- Гордиенко А. А. Создание Советской национальной государственности в Средней Азии. М., 1959.
- Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I (Юридический быт), Ташкент, 1889.
- Давлетшин. Отчет капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край и Степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб., 1901.
- Джамгерчинов Б. Дж. Из истории киргизов первой половины XIX в. Уч. зап. историч. фак-та Киргосуниверситета, вып. VI. Фрунзе, 1958.
- Джамгерчинов Б. Дж. Присоединение Киргизии к России. М., 1959.
- Дурманов Н. Д. Уголовное право (особенная часть). Преступления, составляющие пережитки родового быта. М., 1938.
- Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М., 1948.

Загряжский Г. С. Юридический обычай киргизов о различных родах состояний и о правах, им присвоенных. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV. СПб., 1876.

Загряжский Г. С. О народном суде у кочевого населения Туркестанского края, по обычному праву (зап.). Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV. СПб., 1876.

Загряжский Г. С. Заметки о народном самоуправлении у кара-киргиз. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. III. СПб., 1874.

Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959.

Ибрагимов И. И. Заметки о киргизском суде. Зап. ИРГО по отделению этнографии, т. VIII, отд. II.

Ильясов С. И. Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов до проведения сплошной коллективизации. «Тр. Ин-та языка, литературы и истории», вып. I. Фрунзе, 1944.

История Киргизии, т. I, Фрунзе, 1956. История государства и права Советского Казахстана, т. I, Алма-Ата, 1961.

Козлов И. Обычное право киргизов. Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882.

Культелеев Т. М. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955.

Маев Н. А. От Ташкента до Верного. Путевые заметки. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. II. СПб., 1873.

Манас (эпос), часть первая, книга первая. Фрунзе, 1958.

Манас (эпос), часть вторая, книга вторая. Фрунзе, 1959.

Материалы по истории политического строя Казахстана, т. I. Сборник составлен М. Г. Масевич. Алма-Ата, 1960.

Материалы по изучению юридических обычаев киргизов, вып. I. Материальное право. Омск, 1886.

Пален К. К. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909.

Памятники русского права, вып. I. М., 1952.

Петров К. И. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII веках. Фрунзе, 1961. Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. СПб., 1867. Положение об управлении Туркестанским краем. СПб., 1886.

Рейнталь П. По поводу заметок «О народном самоуправлении у кара-киргиз». «Туркестанские ведомости», № 9, 1871.

Россел Юр. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. Вестник Европы, тридцатый год, т. IV, кн. 7. СПб., 1878. «Санкт-Петербургские ведомости», № 268, 1874, 28 сентября.

Северцов Н. А. Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Русского Географического Общества. СПб., 1873.

Семенов П. П. Путешествие в Тянь-Шань 1856—1857 гг. М., 1958.

Соколов А. О кара-киргизах. Семиреченские областные ведомости (часть неофициальная), 1910, № 53—58.

Талызин А. Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855—1868). Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 г. Верный, 1898.

Туранов Д. Обычное право киргизов. «Киргизская степная газета», № 43, 5 ноября 1900 г.

Усенбаев К. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960.

Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961.

Хасанов А. Исторические корни дружбы народов СССР. Фрунзе, 1954.

Хорошкин А. Байтик баатыр. «Туркестанские ведомости», № 43, 31 октября 1872 г.

Чайковский А. П. О населении Иссык-Кульского уезда. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. I. СПб., 1872.

Эшмамбетов К. «Два вора» и «Суд биев». Тайна мелодии. (Рассказы киргизских писателей). Фрунзе, 1958.

Юнусалиев Б. М. К вопросу о формировании общенародных черт киргизского языка. (Тезисы доклада). Фрунзе, 1954.

Юшков С. В. История государства и права СССР, ч. I. М., 1961.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава I. Суд и судопроизводство киргизов по уголовным делам до добровольного вхождения Киргизии в состав России	9
Глава II. Изменения судостройства и судопроизводства по уголовным делам суда биев после добровольного вхождения Киргизии в состав России	20
Глава III. Некоторые вопросы уголовной ответственности по обычному праву киргизов	41